

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени
В.М. Шукшина»
(АГГПУ им. В.М. Шукшина)

Политическая деятельность М. Робеспьера

Выпускная квалификационная работа

Допустить к защите

и.о.зав. кафедрой историко-
правовых и социально-
гуманитарных дисциплин
канд.истор.наук, доц.

**Орлов Дмитрий
Сергеевич**

« ____ » _____ 2016 г.

Выполнил студент

И-ИП 111

Валетова

Алёна Викторовна

Научный руководитель:
канд. истор. наук, доцент

**Орлов
Дмитрий Сергеевич**

(подпись)

Оценка _____

« ____ » _____ 2016 г.

Подпись _____
(Председатель ГАК)

Бийск – 2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1: Личность М.Робеспьера и его общественно-политические взгляды	
1.1. Биография М.Робеспьера.....	22
1.2.Воззрения и личность.....	28
Глава 2: Великая французская революция и деятельность М.Робеспьера	
2.1 Начало революции, после свержения монархии.....	46
2.2 Революционное правительство.....	53
2.3 Термидорианский конвент и директория июль 1794 – декабрь 1799.....	63
Заключение.....	68
Библиография.....	71
Приложение	78

Введение

В период с 1789 по 1794 гг. Франция пережила крупнейшую трансформацию социальной и политической системы. Немаловажную роль в Великой французской революции сыграл Максимилиан Робеспьер – «вождь революции».

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что начало, развитие и трагический конец деятельности Робеспьера неразрывно связаны с революцией 1789-1794 гг. Роль Робеспьера, как признанного вождя революционных масс очень велика. Особенно в период якобинской диктатуры, когда материальное, производственное обновление Франции «было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата – с беспощадной войной, объявленной всему реакционному». Французская революция во все времена представляла собой важнейший аспект жизни и дальнейшего развития Франции. Самые важные аспекты Французской революции особенно четко вырисовываются в период политической деятельности Максимилиана Робеспьера. Это дает возможность не только более детально проследить весь ход политической деятельности Максимилиана в период революции, но и выявить ту закономерность, с помощью которой Робеспьеру удалось вести такую жестокую борьбу, ступать в кровь, но при этом не быть замаранным этой кровью.

В многогранной, кипучей революционной деятельности Робеспьера значительное место занимали вопросы революционной законности и революционного террора. Он уделял большое внимание не только практическому проведению революционного террора, но и его принципиально политическому, теоретическому обоснованию. Также нельзя не подчеркнуть неразрывную связь Робеспьера с народом, его стремление во всех революционных мероприятиях опираться на массы.

Через полвека после смерти Робеспьера в царской России Николая I, нашлись в обеих столицах русские молодые люди, объявившие себя приверженцами Робеспьера. Эти молодые люди не обладали ни большими чинами, ни званиями, у них было иное — они представляли собой будущность своего народа. Иван Панаев у себя на квартире, в кругу друзей Белинского, читал историю французской революции. Источником для Панаева служили «Парламентская история французской революции» Бюше. После прочтения разгорались споры. В ту пору такой же молодой Александр Герцен писал: «Максимилиан один истинно великий человек революции; все прочие — необходимые блестящие явления ее и только». Его друг Николай Кетчер «вместо молитвы на сон грядущий, читал речи Марата и Робеспьера». В.И. Ленин, имея в виду именно Робеспьера, писал: «Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам...». Но он указывал и на ошибки, которые допускал якобинский Конвент.¹

Робеспьер был великим буржуазным революционером — смелым, неустрашимым, непреклонным, но его величие заключалось, прежде всего в том, что он был «якобинцем с народом», во главе народа и вместе с ним решавшим задачи буржуазной революции плебейскими методами. Робеспьер отдал всю свою жизнь борьбе за освобождение народа, за то, чтобы восторжествовали его права. Он был искренним и убежденным революционным демократом. Вся его жизнь — пример служения родине и революции. Максимилиан Робеспьер был великим патриотом, демократом и революционером своего времени.

Таким образом, нам хотелось показать, что имя Максимилиана Робеспьера, со дня рождения которого нас отделяет два века, вошло в

¹ Манфред А. З. Споры о Робеспьере [Текст] / А.З. Манфред // Вопросы истории. - 1958.- № 7.

историю революционной Франции и всего мирового революционного движения, как имя одного из великих революционеров.

Рассматривая **историографию** изучаемого вопроса, необходимо отметить, что научно-историческая литература, по вопросам Великой Французской буржуазной революции XVIII века и роли которую сыграл в ней Максимилиан Робеспьер, как отечественная, так и зарубежная, насчитывает большое количество публикаций.

Великая Французская революция — классическая тема в исторической науке. Это особенно ощущается во Франции. Во французской историографии не раз происходило глубокое обновление и документальной базы, и методов исследования этой темы, отдельных сюжетов, к ней относящихся, а также целостных научных парадигм.

Огромный 12-ти томный труд Л. Блана «История Французской революции»² издавался в 1907-1909 гг., подробно рассказывает о предыстории революции, начиная с Яна Гуса, и шаг за шагом историю самой революции.

Олар А. в своей книге «Ораторы революции»³ вышедшей в 1907 г. в первом томе одну из глав посвятил М.Робеспьеру. Он рассматривает биографию Максимилиана и делает акценты на идеях, которые выдвигал Робеспьер во время революции.

² Блан, Луи. История французской революции. – В 12-ти т. Т.10. [Текст]: монография / Л. Блан. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1909. – 357 с.

³ Олар А. Ораторы революции: в 2-х т. Т. 1. [Текст]: монография / А.Олар – М.: 1907. – 234-355 с.

В 1960 г. в свет вышла книга А. Собоуля «Робеспьер и народное движение 1793-1794 гг.»⁴, где автор обрисовал отношение Робеспьера к народному движению II года Республики, показав тем самым основы его величия и в тоже время ограниченность его социальной и политической деятельности, которая привела его к падению и сделала его жертвой тех, же противоречий, которые тяготели над народным движением его времени. Еще одна работа А. Собоуля вышедшая в 1974 году «Первая республика 1792-1804 гг.»⁵, интересна и содержательна. В данной работе автор описывает события, начавшиеся с основания Республики - август 1792 г. и до распада Республики 1804 г.

Книга А. Матъеза «Французская революция» 1995 г. состоит из 3 томов, в ней представлено исследование о Великой Французской революции. Первый том – «Падение королевской власти» охватывает шестилетний период, включающий Революцию и события двух предреволюционных лет. Во втором томе - «Жиронда и Гора» идет речь о борьбе жирондистов с монтаньярами. В третьем томе – «Террор» автор рассматривает период господства монтаньяров.

Блуменау С.Ф. в статье «Французская революция конца XVIII в. в современной научной полемике»⁶ 1998 г. представил споры о содержании Французской революции, которые сочетались с размышлениями о ее месте в длительной исторической перспективе.

⁴ Собоуль А. Робеспьер и народное движение в 1793-1794 г [Текст]: монография / А. Собоуль. - М.: 1960.

⁵ Собоуль, А. Первая республика [Текст]: монография / А. Собоуль. — М.: Наука, 1974. – 275 с.

⁶ Блуменау, С. Ф. Французская революция конца XVIII века в современной научной полемике [Текст] / С.Ф. Блуменау // Вопросы истории. – 1998. - № 9. – С. 141 – 150

В 1998 г. Ф.Фюре в своей работе «Постижение Французской революции» синтезировал проблему осмысления Французской революции, а также коснулся полемики с коммунистическими историками Революции.⁷

Немаловажный интерес представляет книга П. Генифе «Политика революционного террора 1789-1794 гг.»⁸ на русский язык была переведена А.В. Чудиновым в 2003 г. В данной книге террор трактуется историком, в первую очередь, как насилие, применяемое для устрашения, по большей части осмысленное, запланированное, а не стихийное. «Террор, – пишет П. Генифе, – это безжалостное следствие революции, рассматриваемой в динамике», поскольку ее радикализация объясняется не внутренними и не внешними обстоятельствами, а, прежде всего, «братоубийственной борьбой среди ее сторонников, соперничеством, противопоставляющим революционеров революционерам».⁹

Проблематика Французской революции была в нашей стране особенно прямо сопряжена с идеологической и политической борьбой. Французская революция стала органическим элементом российской и советской политической культуры, ее понятия - своеобразным кодом (как Ветхий завет - в Английской, Римская история - во Французской революциях).

Постоянная апелляция к революционному опыту Франции конца XVIII в. в предоктябрьский, а затем и в послеоктябрьский период привела к тому, что после разгрома "уклонов" в партии потребовалось создание в нашей

⁷ Фюре, Ф. Постижение Французской революции [Текст]: монография. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 435 с.

⁸ Генифе, П. Политика революционного террора 1789 – 1794 [Текст]: монография / П. Генифе. – М.: Мысль, 2003.

⁹ См. там же. С-227.

историографии единой, официально признанной концепции не только Октябрьской, но также и Французской революции.

Такая концепция была выработана в конце 20-х - 30-х гг. XIX в. Она доминировала в нашей литературе вплоть до конца 60-х, а во многом - до начала 80-х гг., в целом, эта концепция шла в русле "классической" интерпретации французской революции, характерной для демократической, прежде всего марксистской историографической традиции. Труды, созданные советскими историками, поставили целый ряд новых проблем и обогатили знания о Французской революции.¹⁰

Советская историография якобинской диктатуры прошла большой и сложный путь развития. Еще в 20-е и 30-е гг. сформировались те основные направления в изучении этой важной темы, которые прослеживаются и в современной советской исторической литературе, посвященной Великой французской революции.

Первое из этих направлений представлено трудами Н.П. Фрейберг «Декрет 19 вандемьера и борьба бешеных за конституцию 1793 г.». ¹¹ Фрейберг впервые в марксистской исторической литературе показала, что якобинская диктатура слагалась не только как орудие подавления жирондистско-роялистской контрреволюции, но и как орудие обуздания и подчинения буржуазии плебейского движения.

¹⁰ Адо, А.В. Французская революция в советской историографии [Электронный ресурс] / А. В. Адо // Исторические этюды о французской революции (Памяти В.М. Далина). – М.: ИВИ РАН, 1998. – Режим доступа <http://liberte.newmail.ru/Ado1.html>

¹¹ Фрейберг, Н.П. Декрет 19 вандемьера и борьба бешеных за конституцию 1793 года [Электронный ресурс] / Н.П. Фрейберг // "Историк-марксист". - 1927, № 6. С. 142-174. – Режим доступа http://www.portalus.ru/modules/theoryoflaw/rus_readme.php?archive=&id=1402611790&start_from=&subaction=showfull&ucat

Немаловажное значение имеет работа Я.В. Старосельского «Проблемы якобинской диктатуры»¹² 1930 г. он был первым историком-марксистом, который увидел в парижской секционной организации зачаток демократической диктатуры народа, а также, обозначил проблему двоевластия как существенной черты периода якобинской диктатуры.

Для второго направления, нашедшего свое наиболее яркое выражение в известной статье Н.М.Лукина "Ленин и проблемы якобинской диктатуры"¹³ 1934 г., было характерно стремление к канонизации якобинской диктатуры, к затушевыванию ее внутренних противоречий.

В 1921 г. Н.М. Лукин опубликовал специальную работу, посвященную Робеспьеру. Это была первая марксистская монография, посвященная великому французскому буржуазному революционеру, основанная на изучении источников и содержащая детальный марксистский анализ его взглядов и деятельности, его сильных сторон и его слабостей.¹⁴

Нельзя оставить без внимания работы Альберта Захаровича Манфреда (1906 – 1976 гг.). В них он особое место уделял Максимилиану Робеспьеру, дает высокую оценку его деятельности. Наиболее известная монография автора по интересующей нас теме «Три портрета эпохи Великой

¹² Старосельский, Я. Проблемы якобинской диктатуры [Электронный ресурс] / Я. Старосельский // Н.М.Лукин. Избр.труды, т.1. - Л., 1960, стр.322—388. Режим доступа <http://istmat.info/node/28458>

¹³ Ревуненков В.Г. Проблемы якобинской диктатуры в новейших работах советских историков [Электронный ресурс] // Историографический сборник. – Л.: 1967 – С. 83-92. – Режим доступа <http://istmat.info/node/29222>

¹⁴ Лукин Н.М. Максимилиан Робеспьер: В 3-х т. Т. 1. [Текст]: монография / Н.М. Лукин. – М.: издательство АН СССР. 1960 г.

французской революции»¹⁵, самое известное издание вышло в 1977, представляет собой ценный вклад в исследование истории и культуры Франции. В ней рассматриваются три биографии: Руссо, Мирабо и Робеспьера, наибольшее внимание уделено последнему.

Еще одним известным произведением Манфреда по истории Великой французской революции является сборник "Великая Французская буржуазная революция"¹⁶ 1983 г., в сборник трудов вошли все его основные работы, посвященные Великой французской революции, в том числе обширный очерк по истории революционных событий и статьи, в которых дан глубокий анализ якобинской диктатуры - кульминационного этапа революции. В книге помещены также статьи о Робеспьере и Марате.

Немаловажное значение имеет сборник статей и речей Робеспьера под редакцией и с предисловием А. Герцензона «Робеспьер Максимилиан. Революционная законность и правосудие» 1959 г.»¹⁷.

Тенденция к более реалистическому пониманию якобинской диктатуры проявилась в последних работах нашего выдающегося исследователя истории "бешеных" Я.М. Захера. В своей книге "Движение бешеных" 1961 г., в которой дан наиболее полный в нашей литературе анализ социально-экономических и политических взглядов Жака Ру и его единомышленников, ярко обрисована их роль в революции, Захер подчеркивает двойственный и

¹⁵ Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1989. – 432 с.

¹⁶ Манфред, А.З. Великая Французская Революция [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1983. – 431 с.

¹⁷ Герцензона А. Робеспьер Максимилиан. Революционная законность и правосудие [Текст]: монография / А. Герцензона. - М.: - 1959.

противоречивый характер якобинской диктатуры.¹⁸ Захер Я.М. подметил, что о движении «бешеных» историография Великой французской революции до начала XX в. почти полностью умалчивала. Это обуславливалось тем, что исторические исследования писались в то время одними только представителями дворянского и буржуазного классов, а эти классы были заинтересованы если не полностью, то хотя бы максимально затушевать ту решающую роль, которую сыграли в революции 1789-1794 гг. народные массы.

Серебрянская Е.З. в своей работе 1962 г. «Об эволюции мировоззрения Робеспьера», уделяет внимание процессу формирования и изменения политических, социальных и религиозных идей Робеспьера во время Французской революции.¹⁹

Сложность и противоречивость якобинской диктатуры и ее методов управления подчеркнуты в изданной в 1966 г. книге Ю.Ф. Карякина и Е.Г. Плимак "Запретная мысль обретает свободу. 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева ". Авторы этой интересной книги по-новому истолковывают "Песнь историческую", принадлежащую перу русского революционного просветителя и современника Великой французской революции А.Н. Радищева. Ю.Ф. Карякин и Е.Г. Плимак доказывают, что на страницах этой "античной" поэмы Радищева отражается не современная ему русская действительность, как думали многие литературоведы, а режим сложившейся во Франции якобинской диктатуры с его действительно

¹⁸ Ревуненков В.Г. Проблемы якобинской диктатуры в новейших работах советских историков [Электронный ресурс] // Историографический сборник. – Л.: 1967 – С. 83-92. – Режим доступа <http://istmat.info/node/29222>

¹⁹ Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера [Текст]: монография / Е.З. Серебрянская. - Одесса: 1962. – С.263-316.

кричащими противоречиями. Карякин и Плимак не оставляют сомнения в том, что радищевские обличения произвола и тирании Суллы, Калигулы и других римских диктаторов... метят в Робеспьера, являются фактически обличениями крайностей якобинского терроризма.²⁰

В замечательной книге А.П. Левандовского «Максимилиан Робеспьер»²¹ 1997 г. рассказывается о жизни Максимилиана Робеспьера — выдающегося деятеля Великой французской буржуазной революции.

А.В. Адо в своей статье «Французская революция в советской историографии»²² 1998 г. акцентирует внимание на проблемах истории Французской революции, выдвигающиеся сейчас в поле зрения историографии. В частности такие проблемы, как: применение принципа историзма к изучению революции; место Французской революции в развитии долговременных процессов общественного развития, которые развернулись до начала революции и не завершились с ее окончанием; обновление проблематики исследований.

Бачко Б. в 1998 году написал статью «Робеспьер и террор».²³ Статья показывает, что Робеспьера нельзя назвать террором, но и, в то же время, Робеспьер и террор неотделимы друг от друга.

²⁰ Там же. С. 83-92.

²¹ Левандовский, А.П. Максимилиан Робеспьер [Текст]: монография / А.П. Левандовский. – Ростов н/д.: Феникс, 1997. – 448 с.

²² Адо, А.В. Французская революция в советской историографии [Электронный ресурс] / А. В. Адо // Исторические этюды о французской революции (Памяти В.М. Далина). – М.: ИВИ РАН, 1998. – Режим доступа <http://liberte.newmail.ru/Ado1.html>

²³ Бачко Б. Робеспьер и террор [Электронный ресурс] / Б. Бачко// Исторические этюды о французской революции. - М.: ИВИ РАН, 1998. – Режим доступа <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Bazcko-Robespier.html>

Очень интересна по содержанию статья Д.Ю. Бовыкина «Термидор, или Миф о конце Революции» 1999 г. Автор приводит в работе различные мнения французских и советских историков о событиях после 9 термидора. Что это конец революции или замена одного типа власти другим? Контрреволюция и конец якобинской республики? Так рассуждают французские историки. Что касается советских историков, то К. Добролюбский пишет, что после падения Робеспьера начинается нисходящая линия Французской революции. Так, например, по мнению Н. Лукина, после 9 термидора революция идет на убыль, "сдавая реакции одну позицию за другой", а конституция III года "как бы закрепляла первые победы реакции".²⁴ Сопоставив все мнения историков Бовыкин приходит к выводу Термидор, не стал ни отрицанием 1793 г., ни возвращением в чистом виде к 1789 г. Это время синтеза, переосмысления.

По данной же теме Д.Ю. Бовыкин в 2000 г написал статью «Термидор: старые проблемы и новые споры». В своей работе Бовыкин пытается проанализировать, в чем же видели и видят отечественные историки проявления того, что «на судьбах революции переворот 9 термидора отразился самым пагубным образом», по каким причинам он пересек восходящую линию революции и положил начало ее упадку. И соответствует ли этот анализ событий тому, что мы знаем сегодня о событиях, происходивших во Франции в 90-е годы XVIII века.²⁵

²⁴ Бовыкин, Д. Ю. Термидор, или Миф о конце Революции [Текст] / Д.Ю. Бовыкин // Вопросы истории. – 1999. – № 3. – С. 144 – 165

²⁵ Бовыкин Д.Ю. Термидор: старые проблемы и новые споры [Электронный ресурс] / Д.Ю. Бовыкин // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. М.: Эдиториал УРСС, 2000. с. 88-102. – Режим доступа <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Bovykine-2000.html>

В статье Д.Ю. Бовыкина «Революционный террор во Франции XVII века: новейшие интерпретации» 2002 г., представлены концепции советской историографии, касающиеся понимания террора в период французской революции, таких историков, как П. Генифе, А.В. Чудинова, Ф. Фюре и т.д.²⁶

Совсем с иной точки зрения представляется любопытной и во многом показательной дипломная работа студентки, а ныне старшего преподавателя РГГУ Е.В. Смирновой на тему «Сен-Жюст и феномен якобинизма», автор солидаризируется с уже звучавшей у ее предшественников идеей о существовании соперничества между Сен-Жюстом и Робеспьером и даже приходит к выводу о превалировании первого над вторым. Робеспьер же, по мнению Е.В. Смирновой, «не обладал ни административными способностями государственного мужа, ни решительностью и волей революционного деятеля». В данной работе автор сопоставляет Робеспьера Сен-Жюсту, делая акцент на том, что Сен-Жюст предстает соперником Робеспьера, но также без труда можно найти цитату, где они будут выглядеть союзниками и единомышленниками. Автор не раз замечает, что Робеспьер во многом обязан Сен-Жюсту: вошел в Комитет общественного спасения, поддавшись на уговоры Сен-Жюста, переняв даже слова и жесты последнего, привык выслушивать его советы и принимать их.²⁷

Большой интерес представляет собой статья Е.Ю. Аксеновой «Полемика Э. Берка и К. Маколей по вопросу оценки Французской революции», вышедшая в 2014 г. В данной статье рассматривается и

²⁶ Бовыкин, Д. Ю. Революционный террор во Франции XVIII в.: новейшие интерпретации [Текст] / Д.Ю. Бовыкин // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 144 – 149

²⁷ Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) [Текст] // Новая и Новейшая история. – 2007. №1. – С. 88-103.

анализируется полемика по вопросу отношения к Французской революции двух выдающихся английских публицистов XVIII в. Э. Берка и К. Маколей.²⁸

Объект исследования – политическая деятельность Робеспьера в период Французской революции

Предмет исследования – формы и методы осуществления политической деятельности Робеспьером

Цель дипломной работы заключается в изучении особенностей механизмов политической деятельности, которую осуществлял М.Робеспьер в период Великой Французской буржуазной революции XVIII в.

Для достижения указанной цели поставлен ряд **задач**:

1. Систематизировать и обобщить сведения об истории изучения политической деятельности М.Робеспьера в период Французской революции и отражение ее в учебных пособиях.
2. Изучить личность и мировоззрения М.Робеспьера.
3. Исследовать особенности политической деятельности М.Робеспьера в контексте Великой французской революции.
4. Определить значение участия М.Робеспьера во Французской революции, как исторической личности.

Территориальные рамки исследования определены границами Франции в период Французской революции 1789-1794 гг. (См. Прил. 1, карта 1).

²⁸ Аксенова Е.Ю. Полемика Э.Берка и К.Маколей по вопросу оценки Французской революции [Текст] / Е.Ю. Аксенова// Новая история. Международные отношения. – 2014. Т.14. вып 1. – С. 1-6

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XVIII в.

История политической деятельности Робеспьера в годы Французской революции нашла отражение в многочисленных **источниках**. Из опубликованных источников, наиболее значительными при разработке данной темы оказались материалы – политической деятельности Робеспьера 1789-1794 гг.

В сборнике «Революционная законность и правосудие» содержатся некоторые статьи и речи, выдвигаемые Робеспьером на собраниях Якобинского клуба, Национального Конвента, Учредительного собрания: О неприкосновенности короля.²⁹

Декреты Национального конвента немаловажны, для исследования политической деятельности Робеспьера на этапе революции. «Декрет Законодательного собрания о созыве Национального Конвента 10 августа 1792 г».³⁰

²⁹ Герцензона А. Робеспьер Максимилиан. Революционная законность и правосудие [Текст]: монография / А. Герцензона. - М.: - 1959.

³⁰ Декрет Законодательного собрания о созыве Национального конвента 10 августа 1792 г. [Электронный ресурс]: .Крашениникова Н.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. (Новое и новейшее время). –М.: Зерцало, 1999 г. – Режим доступа <http://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iaay/gos/prav/zar/str/>

«Декрет Конвента о подозрительных 17 сентября 1793 г.» гласит, что все подозрительные лица, находящиеся на территории должны быть арестованы. Приводится список, кого необходимо считать подозрительным³¹

Из «Декрета об установлении максимума цен и заработной платы 29 сентября 1793 г.» мы видим, что установлены твердые цены на продукты первой необходимости. Достаточно точно установлено наказание для лиц, которые продадут или купят товары, перечисленные в ст. 1, выше максимума, установленного и опубликованного в каждом департаменте, уплачивают в административном порядке денежную пеню в двойном размере против стоимости проданного предмета, идущего в пользу доносчика.³²

Постановление Генерального Совета Коммуны Парижа, принятое 10 октября 1793 г. по проекту Шометта определяет категории подозрительных.³³

В разгар революции Робеспьер выступает против старых правовых норм и состязательной формы судебного процесса, он, в созвучии с требованиями народных масс, настаивает на большей гибкости, быстроте и решительности в расправе с врагами. 10 марта 1793 г. был создан «Декрет об утверждении

³¹ Декрет Конвента о подозрительных 17 сентября 1793 г. [Электронный ресурс]: Крашениникова Н.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. (Новое и новейшее время). –М.: Зерцало, 1999 г. – Режим доступа <http://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/ia/y/gos/prav/zar/str/>

³² Декрет об установлении максимума цен и заработной платы 29 сентября 1793 г. [Электронный ресурс]: Крашениникова Н.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. (Новое и новейшее время). –М.: Зерцало, 1999 г. – Режим доступа <http://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/ia/y/gos/prav/zar/str/>

³³ Постановление Генерального Совета Коммуны Парижа, принятое 10 октября 1793 г. по проекту Шометта[Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

Революционного трибунала».³⁴ По этому поводу Робеспьер 23 августа 1793 г. в заседании Якобинского клуба выдвинет речь в отношении Революционного Трибунала и укажет на все его недостатки. На заседании он скажет: «Я следил за вызывающими обрядностями, которыми опутал себя Революционный Трибунал. Ему нужны целые месяцы, чтобы судить Кюстина, убийцу французского народа. А ведь если бы тирания могла возродиться, то ее противники были бы раздавлены в течение двадцати четырех часов!»³⁵

В докладе, с которым Робеспьер выступил в Конвенте 25 декабря 1793 г. - 5 нивоза II года республики «О принципах революционного правительства», он говорит, что принципы революционного правительства должны приближаться к обычным принципам во всех случаях, когда они могут строго применяться, не мешая общественной свободе революционного правительства, также упоминает о необходимости установить его и о том, что его стремятся парализовать при рождении.³⁶

Речь Робеспьера, произнесенная 8 термидора 2-го года республики, имеет важное значение. В своей речи Робеспьер защищает права народа, но также он защищает и самого себя. «Они называют меня тираном. Если бы я был им, то они ползали бы у моих ног; я осыпал бы их золотом, я обеспечил

³⁴ Декрет 10 марта 1793 г. об учреждении Революционного Трибунала [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

³⁵ Из речи Робеспьера в заседании Якобинского клуба (23 августа 1793 г.). [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

³⁶ Доклад в Конвенте 25 декабря 1793 г. - 5 нивоза II года республики. О принципах революционного правительства. [Электронный ресурс]: Адо, А.В. Документы истории Великой Французской революции в 2-х томах. Т.1. – М.: МГУ, 1990. – Режим доступа <http://istmat.info/node/27370>

бы им право совершать все преступления; и они были бы мне благодарны. Покоренные короли не стали бы избличать меня, а оказали бы мне свою преступную поддержку; я вошел бы в сделку с ними».³⁷

Ценным источником при разработке дипломной работы послужила переписка М.Робеспьера и О.Робеспьера, а также письма М.Робеспьера к другу Бюиссару. В письмах он подробно рассказывал Бюиссару, как обстояли дела в Париже в период Французской Революции.³⁸

Следующая группа источников представлена мемуарами, историческими и философскими сочинениями известных общественно-политических деятелей этого периода. Петиция секции Гравилье Национальному конвенту 9 марта 1793 г. призывает: создать репрессивные законы против спекуляции и барышничества, ввести военный налог, очистить Республику от изменников.³⁹

Из трехтомного издания сочинений Ж. П. Марата мы узнаем о событиях предреволюционного периода и непосредственно самой революции.⁴⁰

³⁷ Из речи Робеспьера 8 термидора 2-го года республики. [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

³⁸ Фридлянд Ц. Переписка Робеспьера [Текст]: монография / Ц. Фридлянд. - Л.: 1929.

³⁹Из Петиции секции Гравилье Национальному Конвенту 9 марта 1793 г. [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

⁴⁰ Марат, Жан Поль Избранные произведения: В 3 т.

Т. 1. [Текст] / Ж.П. Марат; сост.В. П. Волгин, А. З. Манфред, пер. С. Б. Канна. – М.: Академия наук СССР, 1956. – 360 с.

Т. 2. [Текст] / Ж.П. Марат; сост.В. П. Волгин, А. З. Манфред, пер. С. Б. Канна. – М.: Академия наук СССР, 1956. – 387 с.

В памфлете 29 декабря 1789 г. «Что было нужно предпринять народу «назавтра» после революции 14 июля и 5-6 октября» Марат предлагает провести чистку Национального собрания, Парижского муниципалитета и окружных комитетов.⁴¹

Методологическая основа. Методологической базой исследования явился системный подход. Под системным подходом понимают направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем⁴². Автором также широко применялся принцип историзма, понимаемый как научно-объективный анализ исторических фактов, определяющих характер и специфику изучаемой проблемы, как системная обработка всех доступных исследователю исторических источников и литературы. По мере необходимости использовался и персонифицированный подход, что обусловлено степенью влияния отдельных личностей на изучаемые процессы.

При написании работы были использованы также следующие методы исследования: анализ существующей источниковой базы по рассматриваемой проблематике (метод научного анализа); обобщение и синтез точек зрения, представленных в источниковой базе (метод научного синтеза и обобщения); моделирование на основе полученных данных авторского видения в раскрытии поставленной проблематики (метод моделирования).

Т. 3. [Текст] /Ж.П. Марат; сост.В. П. Волгин, А. З. Манфред, пер. С. Б. Канна. – М.: Академия наук СССР, 1956. – 420 с.

⁴¹ Марат, Жан Поль Памфлеты. Под ред. Ф.Кон. [Электронный ресурс] / Ж. П. Марат. – М.: Наука, 1937. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

⁴² Сравнительно-исторический метод БСЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru>

Практическая значимость дипломной работы состоит в том, что ее содержание может быть использовано при изучении курса новой истории стран Европы, составления учебно-методических комплексов, при подготовке к семинарским занятиям. Кроме того, этот материал может быть использован в дальнейшей профессиональной деятельности.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, которые в свою очередь содержат параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

1.1. Биография М. Робеспьера

Максимилиан Робеспьер родился 6 мая 1758 г. в Аррасе в провинции Артуа, на севере Франции в семье адвоката. Еще ребенком он потерял родителей и воспитывался у деда по материнской линии Жака Карро. В 1765 году дед отдал внука в среднюю школу в Аррасе, где учили священники-ораторианцы. Святые отцы оценили послушание, аккуратность, примерную набожность ребенка. В 1769 году, когда ему было 11 лет, епископ Арраса пожаловал Максимилиану стипендию для продолжения учебы в знаменитом коллеже Людовика Великого Луи-ле-Гран. Максимилиан был полностью погружен в учебу, завоевывал первые награды и восхищенные отзывы преподавателей. Учителем Максимилиана был Жан Жак Руссо, с произведениями которого он впервые познакомился в стенах Луи-ле-Гран.

Учебные программы коллежа, находившегося в руках католического духовенства, строились так, чтобы по возможности ограждать воспитанников от веяний современности. Главное место уделялось классической истории и литературе, заучиванию наизусть трудных латинских и греческих текстов. Прилежный Максимилиан учился с жаром, до самозабвения. Он умел находить в книгах и рассказах учителей то, что пропускали другие. Его воодушевляли примеры свободолюбия и героизма античных граждан. Афины, Спарта, Рим... В особенности Рим. Братья Гракхи, бесстрашный Брут, Спартак... Какие люди! Какие дела!⁴³

Сначала Максимилиана привлекало изучение древности, один из его преподавателей аббат Эриво даже прозвал его римлянином, но как только в

⁴³ Левандовский, А.П. Максимилиан Робеспьер [Текст]: монография / А.П. Левандовский. – Ростов н/д.: Феникс, 1997. С.4.

стены коллежа проникли труды Монтескье, Вольтера, Руссо Максимилиан взялся за современную философию, и античность отошла на второй план. Труды Руссо завладели сердцем Максимилиана целиком и без остатка. По некоторым известиям, Робеспьер даже во время своего студенчества однажды посетил знаменитого философа в его убежище в Эрменонвилле. Впрочем, увлечение просветительной философией не мешало, учебным занятиям молодого студента и Максимилиан не ограничиваясь, одной теорией, находил время по вечерам работать практически под руководством одного судейского чиновника. Учась в коллеже, ему предоставилась возможность приветствовать Людовика XVI при посещении им коллегии Людовика Великого. Это была не одна из лучших его встреч потому, что король даже не слушал этого бедного мальчишку, стоящего на коленях перед каретой, на глазах у Максимилиана навертывались непрошенные слезы. После того, как король уехал не дослушав приветствия, к нему подошел воспитанник и сказал: «Не огорчайся, Максимилиан! Тебя недаром прозвали Римлянином: будь стойким, и ты свое возьмешь! Максимилиан вскакивает. С разорванных чулок грязь стекает на башмаки. Быстро смахнув слезу, он сурово смотрит на товарища. Кто тебе сказал, что я огорчен, Камилл? Напротив, я горд... Я ведь удостоился самой высокой чести, не правда ли? И затем, мгновенье, помолчав, он добавляет: — Но заметь, какое сегодня число: сегодня 12 июня 1775 года. Не забывай никогда об этом дне и, если будет нужно, напомни мне о нем...»⁴⁴

После успешного окончания коллежа Робеспьер перешел на юридический факультет парижского университета – Сорбонны, проявил и

⁴⁴Левандовский, А.П. Максимилиан Робеспьер [Текст]: монография / А.П. Левандовский. – Ростов н/д.: Феникс, 1997. С.4.

здесь блестящие успехи и окончил курс в три года. В июле 1781 г. образование молодого человека было закончено.

По окончании университета Робеспьер возвращается в родной город и подобно своим предкам, посвящает себя адвокатской деятельности. В Аррасе в это время жило немало выдающихся людей, и среди аррасских знакомых Робеспьера был будущий «организатор победы» Карно и Дюбуаде-Фоссе. Общее увлечение господствовавшей в то время идеологией сближает молодых людей и устанавливает между ними связь и часы досуга, но очень важно отметить, что и в своей профессиональной деятельности Робеспьер целиком остается верен усвоенным им общественным взглядам. Так, однажды он защищает группу крестьян в споре с помещиком, в другой раз Робеспьер выступает против монарха, обвинившего в воровстве молодую девушку, которую ему удалось соблазнить. Но более всего характерен для выяснения тогдашнего настроения Робеспьера так называемый процесс о громоотводе, получивший в Аррасе очень большую известность. После успешного окончания этого процесса, осенью 1783 года Робеспьер был избран членом Аррасской академии. Вступление в академию дало Робеспьеру повод произнести речь о несправедливости наказаний, падающих не только на виновного, но и на членов его семьи.

Для выяснения политических взглядов Робеспьера в эту эпоху его жизни важно отметить, что, выступая ярким противником наказаний позорящих наряду с преступником и членов его семьи, Робеспьер восхвалял Людовика XVI, только что отменившего судебную пытку. Таким образом, несмотря на свои передовые взгляды, усвоенные для ознакомления с «просветительской» литературой, Робеспьер в это время был убежденным монархистом.⁴⁵

⁴⁵ Захер Я. М. Робеспьер [Текст]: монография / Я.М. Захер. - М.: - 1925. С.14.

В заседании 27 апреля 1786 г. он делает доклад о несправедливости существующего законодательства о незаконнорожденных детях. Робеспьер проявляет свою мелкобуржуазную умеренность и ограниченность и не требует их полного уравнивания в правах с «законными» детьми. Он не требовал предоставления им всех прав законнорожденных детей и допущения наряду с последними к наследованию после родителей.

Таким образом, уже в аррасский период своей жизни Робеспьер принимает самое деятельное участие в общественной и умственной жизни. Но мирному течению жизни Максимилиана Робеспьера было суждено оборваться на грани 1788-1789 годов. Кончилась пора академических сочинений, литературных премий, галантных писем и дружеских бесед. Его страна была накануне страшных потрясений, которые должны были поломать и коренным образом изменить судьбу скромного адвоката, так же как и миллионы других человеческих судеб. Он предчувствовал неизбежность перемен и радостно устремлялся им навстречу. Зимой 1788-1789 г.г. начинаются разговоры о назначении выборов в Генеральные Штаты, Робеспьер выступает на путь активной политической деятельности и выпускает брошюру, в которой критикует существование тогда в Артуа провинциальные штаты, выявляя весь самозванный характер этого учреждения, образуемого в сущности говоря, не путем выборов, а путем назначения, Робеспьер указывает на то, что эти штаты никогда не заботились об интересах местного населения, а лишь угодничали перед центральным правительством. Вот почему Робеспьер решительно осуждал претензию провинциальных штатов посылать депутатов в Генеральные Штаты и требовал свободного избрания депутатов самим населением.

Брошюра Робеспьера имела огромный успех, и ее сразу же пришлось выпустить вторым изданием. Вскоре после этого, в марте 1789 г, Робеспьер выпускает свою новую брошюру, на этот раз анонимную, в которой

указывает на всю трудность предстоящего населению выбора депутатов. Его имя становится еще более популярным после его выступления в одном громком процессе, где имело место злоупотребление летр-де-каше, что означает бланковым приказом об аресте за королевской печатью и подписью, которыми влиятельные лица пользовались для сведения личных счетов со своими врагами. Этим процессом Робеспьер воспользовался для произнесения политической речи, в которой призывал Людовика XVI стать на путь самых широких реформ. Широкая общественная деятельность обеспечила кандидатуру Робеспьера в Генеральные Штаты. Приняв самое видное участие в избирательной процедуре и, в частности, в составлении наказов, Робеспьер был избран депутатом Генеральных Штатов от третьего сословия Артуа. Аррасский период жизни Робеспьера был окончен, и перед ним открывалась дорога к широкой политической деятельности. В начале мая он выехал в Париж.

Генеральные штаты открылись 5 мая 1789 г, этого момента ждали очень долго и когда он наступил, то стало понятно, как были обмануты в своих ожиданиях. Сразу выяснилось, что монархия и депутаты податных говорят и будут говорить на разных языках. Король смотрит на Штаты как на ширму в своих финансовых планах, и добивается лишь новых налогов, а депутаты третьего сословия думают о реформах. 14 мая 1789 г, дворянство и высшее духовенство продолжают чинить препятствия работе Штатов. Депутаты третьего сословия выступают с различными проектами преодоления обструкционистской политики верхов. Робеспьер лично предложил неплохой проект, но его предложением пренебрегли, а на него самого не обратили внимания, его первые шаги были встречены враждебно-пренебрежительно. Не только «Деяния апостолов» (реакционно-монархический листок Ривароля) издевались над ним, но даже его политические единомышленники, депутаты третьего сословия и журналисты — противники абсолютизма, либо не замечали его, либо третировали свысока. В газетных отчетах того времени

его фамилия искажалась: его называли то Роберпьер, то Робецпьер, то Робер, а чаще всего даже не приводили имя, заменяя его обидно безличной формой: «Один из депутатов». Столичные щеголи и многоопытные остряки избрали Робеспьера мишенью для своих насмешек. Все развлекало их в этом депутате от Арраса: и старомодный оливкового цвета фрак, и провинциальные манеры, и приподнято-напыщенный слог заранее написанных речей. Однажды ему пришлось покинуть трибуну вследствие невероятного смеха, возникшего в зале. В другой раз он прервал свое выступление из-за шума, поднявшегося в аудитории; он тщетно пытался перекричать собравшихся, но, убедившись, что это ему не под силу, сошел с трибуны, не закончив речь.

Но время шло, и голоса насмешников должны были смолкнуть. В газетах научились правильно писать его имя; с последней страницы оно перешло на первую. В Национальном собрании и в Якобинском клубе к его выступлениям теперь внимательно прислушивались; уже ни костюм, ни манеры, ни слог оратора не вызывали иронических замечаний.

Прошло еще немного времени, и каждая речь Робеспьера в Конвенте была уже крупным политическим событием: ее встречали яростными возгласами неодобрения на одной стороне Собрания и громовыми аплодисментами на другой.⁴⁶

⁴⁶Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1989. С.127.

1.2. Личность и воззрения

Если мы пожелаем выяснить, что сделало Робеспьера одним из самых выдающихся вождей французской демократии, то мы должны будем рассмотреть не только влияние, оказанное на него Жан Жаком Руссо, но и принять во внимание его происхождение и характер. Он не был человеком из народа. Родившись в Аррасе, он вышел из той мелкобуржуазной адвокатской среды, которая дала так много революционеров, особенно революционеров 1793-1794 годов. Нет надобности, настаивать на том, что Робеспьер всегда заботился о сохранении респектабельной внешности. Он никогда не принимал республиканского, или, точнее санкюлотского, фасона одежды, но всегда оставался верным костюму времен старого порядка. Здесь уместно привести слова жены члена Конвента Леба, дочери столяра Дюпле, у которого квартировал Робеспьер на улице Сент-Оноре. По ее словам, ее отец, заботясь о сохранении своего буржуазного достоинства, никогда не допустил бы к своему столу кого-либо из своих слуг, то есть рабочих. Эти слова раскрывают глубокое расхождение между народными, в строгом смысле слова, классами и средней буржуазией. Ясно, что социальные идеи Робеспьера должны были страдать многими противоречиями.

Социальное происхождение, образование и темперамент Робеспьера, а также логика событий объясняют нам, почему с самого начала революции он упорно отстаивал принцип, согласно которому происхождение и деньги не являются мерилем таланта гражданина, его достоинства или его прав. Поэтому с 1789 года Робеспьер стал защитником демократии.⁴⁷ Он требовал

⁴⁷ Собуль А. Робеспьер и народное движение в 1793-1794 г [Текст]: монография / А. Собуль. - М.: 1960. С.1.

освобождения всех угнетенных – актеров, евреев, рабов, негров в колониях. В собрании, состоявшем главным образом из зажиточных и богатых буржуа, относившихся к народным массам почти с таким же недоверием, как и аристократам, и обусловивших участие в выборах уплатой налогов, он, не колеблясь, выступал против имущественного ценза. Он поднимал свой голос против всех мер, которые могли бы способствовать угнетению народа, например против закона о военном положении и против излишней суровости при подавлении восстаний в провинциях. Его решение быть всегда на стороне народа обусловило политическую позицию Робеспьера с начала революции и до террора. Оно сделало его врагом монархии и всех отступлений от принципа равенства в Конституции 1791 года. Оно сделало его противником жирондистов в начале 1792 года. Оно привело его к республике, а в 1793 году и во II году к руководству ею.

Как и просветители, Робеспьер абсолютизировал моральные категории, отводил им огромное место в развитии общества. Этика пронизывала собой все его политические и социальные идеи. В своем опубликованном труде «Социально-политические учения нового времени» академик А.М. Деборин справедливо замечает, что Робеспьер подходил ко всем общественным явлениям с позиций отвлеченной справедливости и морали. Чтобы проникнуть в сущность теории и практики Робеспьера, очень важно правильно определить, какое место занимали в мировоззрении якобинцев вообще и Робеспьера в частности этические проблемы. Этика XVIII века была краеугольным камнем всей просветительской философии и идеологии Великой французской буржуазной революции 1789-1794 гг. Сферу материальных интересов и социальных отношений в целом они считали второстепенной, пассивной, этические же, правовые, политические отношения - главными, ведущими, определяющими. Такая особенность мировоззрения Просветителей позволила Марксу охарактеризовать их мышление, как политический рассудок: «Политический рассудок является

политическим рассудком потому именно, что он мыслит внутри рамок политики. Чем он острее и живее, тем неспособнее он к пониманию социальных недугов»⁴⁸, - писал К.Маркс. Понимание политических проблем, прежде всего как проблем этических, позволило философам считать этику одним из важнейших политических орудий преобразования общества, а сама задача ломки и преобразования существующего строя сообщала этике несомненный революционный характер. Просветители видели назначение морали в том, чтобы с ее помощью объединить людей для совместного достижения блага. Руссо в «Общественном договоре» писал: «Тот, кто берет на себя смелость конституировать народ, должен изменить человеческую природу, т.е. заменить существованием неполным и моральным существование физическое независимое».⁴⁹

Среди исследователей французской революции XVIII в. весьма распространено мнение о том, что на протяжении всей политической деятельности Робеспьера его основные принципы оставались неизменными. Так, например, Жорес называл его одним из самых больших консерваторов среди революционеров. Булуазо в своей новейшей работе о Робеспьере «Комитет общественного спасения», также приходит к выводу о стабильности его идейной платформы, считая, что его принципы не менялись на протяжении всей его политической карьеры.⁵⁰ По мнению Матьеца, революция лишь оформила те смутные идеалы, к которым Робеспьер стремился и раньше.

⁴⁸ К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.1, стр.441.

⁴⁹ Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера [Текст]: монография / Е.З. Серебрянская. - Одесса: 1962. – С.2.

⁵⁰ Булуазо М. Комитет общественного спасения [Текст]: монография / М.Булуазо. – Наука: 1967. С. 28-65.

Но тщательное изучение источников – анализ произведений Робеспьера, его писем, речей периода судебной дореволюционной практики в Аррасе его ораторских выступлений и публицистики революционных лет убеждает нас в том, что мировоззрение Робеспьера претерпело постепенный и сложный процесс эволюции. Его путь идейного развития был полон колебаний и внутренних противоречий. Главным и определяющим в процессе формирования революционных идей Робеспьера был его переход от идеалов формальной буржуазной демократии к практическому осуществлению под его руководством принципов революционной диктатуры народа и теоретическое осмысление.⁵¹

Буржуазные историки не случайно подчеркивают неизменность идейных принципов Робеспьера, прямой путь развития всегда присущих ему идей: они принимают его борьбу за формальную, «чистую» демократию и при этом часто готовы одобрить не только его негативную политику, но и конструктивную мелкобуржуазную уравнительную программу. К таким историкам можно отнести Лефевра, Ординга, Жеррара, Вальтера, Матьеа. Когда же Робеспьер возвышается до осмысления важнейших проблем якобинской диктатуры, все же стремятся при этом «очистить» его, снять с него личную ответственность за якобинский террор. Весьма ценное по этому вопросу исследование Ординга, основанное на широком использовании архивных источников, в основном посвящено доказательству личной «невиновности» Робеспьера в терроре, осуществлявшемся якобинской диктатурой.

В предреволюционные годы юношеские стихи Робеспьера, судебные речи молодого адвоката, его произведения на юридические темы, пронизаны

⁵¹ Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера [Текст]: монография / Е.З. Серебрянская. - Одесса: 1962. – С.3.

все нарастающим духом осуждения политического режима феодально-абсолютистского строя с присущим ему «обесчеловечиванием человека».

В своих ранних стихах Юный Максимилиан противопоставляет паразитизму привилегированных сословий прославляемый им мирный труд пахаря и его скромную жизнь (стихотворение «Сельский человек»). В других произведениях этого периода Робеспьер не отрицает нравственный прогресс человека в эпоху цивилизации, а, наоборот, видит заметный прогресс разума и морали в век Просвещения.

Как и просветители, Робеспьер неоднократно выступает против высшего сословия – духовенства и церкви. Но, однако, борясь против абсолютистского режима, за ограничение королевской власти, он еще разделял столь широко распространенную в то время веру в доброго и справедливого монарха и уповал на его реформы. Робеспьер в это время еще не понимал неизбежности и необходимости революции. «Нет нужды изменять всю систему нашего законодательства, искать исцеления частного зла и зачастую опасной общей революции», - писал он в 1784 г. На данном этапе Робеспьер неоднократно говорит о близости крупных политических изменений, но в революции все еще видит лишь мрачную и кровавую катастрофу и восхваляет французскую нацию за то, что она добивается своих исконных интересов без революции, с помощью «добродетельного короля».

В своих ранних работах, искренно сочувствуя «несчастливым и притесненным», тепло, отзываясь «о классе трудящихся, который составляет народ», Робеспьер еще не видит в нем великой революционной политической силы. Постепенно по мере приближения грозы взгляды Робеспьера становятся все более решительными, а его борьба за демократические интересы народа все более активной.

В дореволюционных работах Робеспьера можно встретить в зародыше ряд социальных и политических идей, которые он будет с возрастающей решительностью развивать на протяжении революции.

Начиная с арраского периода своей деятельности, и до конца своей жизни он останется приверженцем незыблемости частной собственности. Он считает, что «громadne богатства некоторых граждан покоятся на разорении и нищете всех остальных». Так уже в этот арраский период в мировоззрении Робеспьера начинает вырисовываться тот идеал эгалитаризма, который он пронесет сквозь всю свою жизнь. Революционная практика придаст со временем этим отвлеченным и пассивным эгалитарным тенденциям боевой, активный, наступательный характер.⁵²

Стремительный взлет революционных событий в стране увлекает за собой Робеспьера. С лета 1789 г. он в центре политической борьбы в Париже. Депутат Учредительного собрания активнейший деятель Якобинского клуба, он принимает участие в обсуждении злободневных политических вопросов. Подсчитано, что всего Робеспьер выступил в учредительном собрании 521 раз, а в Якобинском клубе (до 8 августа 1792 г.) – 135 раз.⁵³

Вся его повседневная политическая деятельность на первом этапе революции (1789-1792 гг.) посвящена борьбе за абстрактный идеал «чистой демократии». В этой связи он добивается демократизации государственно-административного устройства: настаивает на увеличении числа депутатов Законодательного Собрания до 1000 человек (18/XI-1790 г.) и на ежегодном замещении депутатов (21/XI-1790 г.); говорит о свободном избрании новых

⁵² Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера [Текст]: монография / Е.З. Серебрянская. - Одесса: 1962. – С.5.

⁵³ Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера [Текст]: монография / Е.З. Серебрянская. - Одесса: 1962. – С.6.

магистратов (15/XII-1790 г.), об их отчетности перед избирателями (28/X-1790 г.) и т.д. При этом он все еще не выходит, как и в арраский период своей жизни, за рамки формально-правового понимания основ буржуазной демократии. «Защищайте индивидуальную свободу» - призывает он в речи 27 апреля 1792 г. – и неустанной борьбе за нее отдает все силы.

Он протестует против сохранения привилегий духовенства и дворянства; требует ограничения жалования священникам, выборности их и упразднения высших должностей духовной иерархии, осуждает экспроприацию общинных земель и выступает против феодального права тиража. Таким образом, тенденция развития политической позиции Робеспьера вступает в конфликт с антидемократической направленностью политики крупной буржуазии и либерального дворянства, захвативших в свои руки власть в первый период революции. Однако борется Робеспьер в этот период преимущественно парламентскими методами. Он пытается воздействовать на депутатов Учредительного собрания доводами разума, по-прежнему продолжая избегать крутых революционных мер, которые он все еще считал «средством редким, сомнительным, чрезмерным».

Глубоко и противоречиво отношение Робеспьера этих лет к проблеме революционного насилия. С одной стороны, продолжая еще рассматривать права человека его «индивидуальную свободу» как самоцель он заявляет: «Общественный порядок не может быть основан на нарушении непререкаемых прав человека, являющихся главным основанием общества. С другой стороны, опыт борьбы крестьянских и плебейских масс, с самого начала революции применявших насилие над насильниками над народом, а также присущие Робеспьеру, хотя и несколько абстрактный демократизм и гуманизм толкают его к признанию правомерности насильственных действий народных масс. Из сказанного можно заметить, что в это время намечается видоизменение этической концепции Робеспьера. Оставаясь на протяжении

первого периода революции в целом на позициях формально-правового понимания «чистой демократии», он вместе с тем все сильнее начинает выдвигать на первый план не права конкретного частного человека, а общее благо, общий интерес, что объективно определялось стремлением буржуазной демократии к более полному и скорейшему разрешению задач революции.⁵⁴

Буржуазная природа мировоззрения Робеспьера неминуемо должна была известным образом ограничить применение «общечеловеческих идеалов» в его практике. В тех случаях, когда гуманистические идеалы свободы и равенства вступали в конфликт с классовыми интересами буржуазии, Робеспьер вынужден был отступать в ущерб этой свободе и человечности. Можно вспомнить пример по поводу рабства во французских колониях. Выступая в самой общей с осуждением колониального рабства, он конкретно даже не ставил вопрос об освобождении этих колоний. В своей речи 13 мая 1791 г. он практически ограничивается лишь поддержкой предложения Люка о замене формулировки проекта декларации: вместо термина «рабы» как «оскорбляющего сознание свободного француза», записать – «несвободные лица» - и только. Еще ранее – 30 июня 1790 г. при обсуждении вопроса о восстании на острове Гваделупе, Робеспьер мотивировал свой протест против подавления этого восстания вооруженными силами Франции не правом освободительной борьбы населения колоний, а опасениями внешнеполитических осложнений.

Буржуазная ограниченность демократизма Робеспьера выступает и при обсуждении закона Ле Шапелье против рабочих союзов и собраний. В отличие от Марата, - единственного из якобинцев мужественно

⁵⁴ Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера [Текст]: монография / Е.З. Серебрянская. - Одесса: 1962. – С.7

выступившего на защиту рабочих против закона Ле Шапелье, - Робеспьер безмолвно санкционировал этот антирабочий декрет Учредительного Собрания.

Философской основой его социально-политических идей неизменно остается идеализм и рационалистический характер мышления. Совершенно в духе своей эпохи Робеспьер воспринимает все политические и социальные проблемы сквозь призму этических понятий. Как и Руссо, он ищет основу народного суверенитета не в материальной основе общественно-политических отношений, а в этике: в том духе морального единства общего, целого, который, по мысли Руссо, обеспечит главенство «общей воли» несмотря на то, что она не совпадает с «волей всех».носителем этого морального единства является, по мнению Руссо и Робеспьера, народ. Народ – олицетворение гражданственности, он всегда справедлив и хочет общего блага.⁵⁵ Под народом в дальнейшем Робеспьер понимает общность индивидов.

Так этическими средствами раскрывается и обосновывается демократизм Робеспьера.

Неразрывно связывая этику с политикой, Робеспьер по-прежнему интересуется преимущественно политическими вопросами, проявляя очень слабый интерес к социально-экономическим проблемам и непонимание самой их сущности. Робеспьеру присущ был политический рассудок, классический пример которого Маркс видел во французской революции XVIII в.

⁵⁵ Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера [Текст]: монография / Е.З. Серебрянская. - Одесса: 1962. – С.15.

Главным для него остаются права политической свободы, политического равенства. Социальное зло волнует его не само по себе, а как источник политических неурядиц. Он говорит, что «конституция станет лишь химерой, если мы не внесем исцелений в современные болезни», и предлагает закон об ограничении права наследования, но это не может разрешить всю остроту социальной проблемы. После выступления в Конвенте со своим, проектом Декларации прав человека и гражданина Робеспьер вновь выступил по вопросам Конституции 10 мая 1793 г. Подвергнув критике жирондистский проект, Робеспьер сформулировал основные положения своего проекта. В своей речи он призывает людей сделать себя счастливыми и свободными при помощи законов: «Обратитесь к истории, и вы увидите, что повсюду должностные лица угнетают граждан, а правительство уничтожает народный суверенитет».⁵⁶ Общественные бедствия всегда происходят не от народа, а от правительства. Да и как может быть иначе? Интерес народа – это общественное благо; интерес должного человека – личная выгода. Чтобы быть хорошим должностному лицу следует приносить себя самого в жертву народу. Правительство учреждено для того, чтобы заставить уважать общую волю. В своей речи Робеспьер призывает уменьшить власть должностных лиц, нужно искоренить саму тиранию, отделить область законодательства от области исполнения.

С первых дней революции Робеспьер боролся за предельное ограничение власти короля и превращение его в слугу народа. Так свой протест против права королевского вето он аргументирует тем, что «закон есть выражение общей воли» и один человек не должен противопоставлять ему свой частный интерес.

⁵⁶ Герцензона А. Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. Статьи и Речи [Электронный ресурс] / А.Герцензона // Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. Статьи и Речи. – М.: государственное издательство юридической литературы. 1959. – 73 с.

В октябре 1789 г. Робеспьер выступает против старой формулы королевского утверждения декретов; в мае 1790 г. он решительно возражает против права короля объявлять войну или заключать мир, считая это прерогативой народа и его представителей в лице Национального собрания. В июле 1791 г. (после бегства короля) Робеспьер борется против решения Национального Собрания о том, что король неприкосновенен и не может быть судим. Он оценивает бегство короля, как факт, который может стать счастливым для Франции (даст нации 400 млн. расходовавшихся до этого на содержание короля). Король неприкосновенен! Но не неприкосновенны ли также и народы? Король неприкосновенен согласно функции; народы же неприкосновенны по нерушимому праву природы; а что делаете вы, прикрывая короля щитом неприкосновенности, как не приносите неприкосновенность народов в жертву неприкосновенности королей?⁵⁷ Вот какие вопросы ставил Робеспьер, выступая с речью о неприкосновенности короля. Если короля восстановить во всем его могуществе, это значит подвергнуть общественную свободу вечной опасности. Ничто так не нравится мятежникам и интриганам, как слабое правительство.

Важно и то, что Робеспьер долгое время не был приверженцем республики. Он понимал, что при провозглашении республики необходимо не только политическое переустройство, но и глубокие социальные преобразования. Без этого борьба была бы бессмысленной. «Разве в словах «республика» или «монархия» заключено разрешение великой социальной, проблемы?», - вопрошал он. Разделяя вообще, в принципе идею республики, Робеспьер, так же, как и Марат, тактически еще считал необходимым

⁵⁷ Герцензона А. Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. Статьи и Речи [Электронный ресурс] / А.Герцензона // Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. Статьи и Речи. – М.: государственное издательство юридической литературы. 1959. – 47 с.

сохранить короля, опасаясь, как бы республика не выродилась бы в тот момент в олигархию враждебных демократии лиц.

Бурная энергия народного революционного движения оказывала громадное влияние на Робеспьера. Несомненной заслугой его было то, что он сразу правильно оценил значение политической активности народных масс, ему удалось понять необходимость теснейшего сплочения с народом. Выступая 10 августа 1792 г. в Якобинском клубе, он настаивал на том, чтобы якобинцы усилили связь со своими секциями и народными обществами.⁵⁸

В вопросе об отношении к собственности Робеспьер разделял взгляды Конвента и Коммуны. Он стоял за незыблемость основ института частной собственности. Отрицательно отнесся к проекту «аграрного закона». Следует отметить, что Робеспьер воспринимал «аграрный закон» не как передел земли, а как введение общности владения ею.

На протяжении революции взгляды Робеспьера будут еще претерпевать изменения. Так в условиях якобинской диктатуры, на высшем этапе развития революции, завершается сложный и противоречивый процесс развития политических идей Робеспьера от идеалов формально-правовой демократии до признания и теоретического обоснования принципов революционной диктатуры. Обоснование Робеспьером необходимости и правомерности революционной диктатуры было выражением наивысшей степени революционной зрелости его мысли. Теоретически Робеспьер был за эгалитарную республику, основанную на равенстве интересов всех ее граждан, на практике же добивался соблюдения установленного «максимума» заработной платы, что вызывало ущемление экономических

⁵⁸ Герцензона А. Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. Статьи и Речи [Электронный ресурс] / А.Герцензона // Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. Статьи и Речи. – М.: государственное издательство юридической литературы. 1959. – 97 с.

интересов рабочих и растущее недовольство политикой революционного правительства.

Что касается связи Робеспьера и террора, то роль Робеспьера в истории Революции не сводится к роли "террориста", творца Террора. Тем не менее, Террор и Робеспьер неразделимы: размышлять по поводу одного неминуемо означает анализировать и другое. Робеспьер легитимизировал и систематизировал политику Террора. Так, в своих больших речах II года он выражает политические цели через моральные термины, через борьбу добродетели против порока, и он формулирует некую разновидность теории революционного порядка управления, его принципов и способов действия. В одной из своих речей, Робеспьер дал следующее этическое определение террора: «Террор – есть эманация добродетели; это – не только частное начало, сколько следствие общего принципа демократии, примененного к насущнейшим нуждам отчества».⁵⁹ Террор получил у якобинцев этическую санкцию.

Террор не был реализацией заранее продуманного политического проекта; он постепенно творил сам себя, используя уже созданные и накопленные за годы Революции материалы. 9 термидора обычно считается символической датой, знаменующей если и не окончание Террора, то, по крайней мере, предвестие его конца. По-иному обстоит дело с его началом. С первых же дней, мнения как современников, так и историков резко расходятся. Создается впечатление, что действовавшие на политической арене персонажи не вошли в Террор в некий единый момент времени, а сползали в него постепенно, пройдя через целую серию мелких сдвигов. Один из таких путей, по которым, шло сползание в Террор, было

⁵⁹ Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера [Текст]: монография / Е.З. Серебрянская. - Одесса: 1962. – С.17.

прославление массового, "народного" насилия. Террористическая власть, вне всякого сомнения, не была первым в истории режимом, опиравшимся на насилие и на страх. Но ее отличительная черта была в том, что она осуществляла власть от имени новой, неизвестной в истории легитимности, исходящей от Нации.

Робеспьер из всех сил старается не впасть в прямую апологию участников насилия. Но с самим насилием дело обстояло по-другому. "События" (он никогда не употребляет слово "убийства") были "народным движением, а не, как смехотворно полагают некоторые, локальным бунтом нескольких негодяев, которым заплатили, чтобы они перебили себе подобных."⁶⁰ Он представляет убийства как продолжение "славного дня" 10 августа и сводит вопрос о народном насилии к проблеме революционной законности, имея в виду легитимность самой Революции.

Репрессии лишь кажутся деструктивными; правосудие карает виновных и, искореняя остатки злополучного прошлого, является, в основе своей, обновляющей силой. Робеспьер - не Марат, и он не призывает к народной ярости; его речь той осенью 1792 г. не была наброском будущего террористического режима. И, тем не менее, принцип "нет революции без революции", двусмысленности и недосказанности, которыми он окружает революционное насилие и казни без суда, являются началом того склона, по которому вскоре начнется скольжение, ведущее к утверждению монополии революционного государства на распространение страха и осуществление коллективного насилия.

⁶⁰ Бачко Б. Робеспьер и террор [Электронный ресурс] / Б. Бачко// Исторические этюды о французской революции. - М.: ИВИ РАН, 1998. С.3.

В августе 1794 г., под влиянием пришедших из Парижа новостей, Дону набросает в тюрьме портрет "тирана": "Желчный темперамент, узкий кругозор, завистливая душа, упрямый характер предназначали Робеспьера для великих преступлений. Его четырехлетний успех, на первый взгляд, без сомнения, удивительный, если исходить лишь из его посредственных способностей, был естественным следствием питавшей его смертельной ненависти, глубинной и неистовой зависти. Он в высшей степени обладал талантом ненавидеть и желанием подчинять себе... В своих мечтах о мести он был полон решимости покарать смертью всякую рану, нанесенную его чувствительному самолюбию; и чтобы тайное ощущение неполноценности перестало разрушать иллюзии, созданные его самолюбием, он хотел бы остаться лишь с теми, кого считал неспособными себя унижить. С давних пор он изменил значение слова народ, приписав наименее образованной части общества свойства и права общества в целом. Вот в каких словах он без конца превозносил справедливость и просвещенность народа: никто не имеет права быть более мудрым, чем народ; богачи, философы, писатели, общественные деятели были врагами народа; революция могла окончиться лишь тогда, когда больше не станет посредников между народом и его истинными друзьями. Робеспьер сделал из этого народа божество, из патриотизма - религию, из революции - предмет фанатичного поклонения, верховным понтификом которого стал он сам; тон жреца был наиболее отличительной чертой его убогих писаний; это тон все громче звучал в них на протяжении четырех лет; в конце он [Робеспьер] говорил уже на одном лишь на мистическом жаргоне самозваного прорицателя. Одним из его последних деяний была попытка соединить культ Бога с культом народа и стать жрецом обоих божеств".

Во II году место, с которого выступал Робеспьер, обеспечивало его словам дополнительный авторитет. В механизме революционного правительства он, на самом деле, занимал ведущее и уникальное в

стратегическом плане место, находящееся на стыке Комитета общественного спасения, Якобинского клуба и Конвента. Удерживать это место означало символизировать единство народа и якобинской диктатуры. Это место не было институциональным, но благодаря Робеспьеру оно стало институтом, и, соответственно, сам Робеспьер оказался главной деталью машины, подлинным идеологическим и моральным органом, органом добродетели.

Робеспьер обладал глубинным убеждением, что существует некая изначально установленная и непосредственная связь между ним и народом. Между тем, его выступления происходили в закрытых помещениях и перед избранной публикой. Без сомнения, самым сильным эпизодом из его опыта пребывания у власти был момент, когда в первый и последний раз он обращался не к абстрактному народу, а к громадной толпе. Разумеется, это праздник Верховного существа.

С другой стороны, Террор обогатил Робеспьера конкретным опытом пребывания у власти, навыком принятия политических решений большого масштаба. Это был содержательный и многообразный опыт: опыт Комитета общественного спасения, где Робеспьер взял на себя, как известно, ведущую роль, но также и опыт Бюро общей полиции, которым он очень тщательно руководил на протяжении последних трех месяцев своей жизни.⁶¹

Был ли сам Робеспьер заморожен успехами этой власти, военными победами, патриотической мобилизацией, подавлением "федерализма" и Вандеи, централизацией управления? Или он в равной мере все больше отдавал себе отчет в негативных последствиях существования террористического режима? В третьем десятилетии XIX в. среди

⁶¹ Бачко Б. Робеспьер и террор [Электронный ресурс] / Б. Бачко// Исторические этюды о французской революции. - М.: ИВИ РАН, 1998.

неоякобинцев и бабувистов возникла мысль о том, что Робеспьер, начиная с 18 флореаля, хотел покончить с Террором или, по меньшей мере, ослабить его. Однако доказательств этому нет. Робеспьер никогда не ставил под сомнение ту власть, идеологом и грозным творцом которой он являлся. Он практически не знал жестоких и грубых реалий Террора; даже руководя Бюро общей полиции, он ни разу не посетил тюрьму, не посмотрел на гильотину. Человек собраний и бюро, он ни разу не ездил, ни в миссию, ни в департаменты, ни в армию. Если летом II года он выступил против "террористов", коррумпированных и (или) экстремистски настроенных представителей в миссиях, так только потому, что они, по его мнению, в некотором смысле осквернили Террор. Он же хотел его видеть чистым, как народ; он призывал не к уменьшению Террора, а его очищению.⁶²

Запутавшись в сложности собственных противоречий и в противоречиях своей эпохи, Робеспьер всегда обращается к этике, тщетно пытаясь искусственным внедрением добродетели разрешить противоречия классовых сил. Робеспьеру с его идеалистическим подходом к общественным явлениям присуще было то, «политическое суеверие» о котором писал К.Маркс: «Только политическое суеверие способно еще воображать,... что государство должно скреплять гражданскую жизнь между тем как в действительности наоборот гражданская жизнь скрепляет государство». И такой попыткой государственными средствами «скрепить гражданскую жизнь» явилось введение Робеспьером культа Верховного Существа. «Истинный священнослужитель Верховного Существа – природа его храм – вселенная а культ – добродетель». Природа выступает в представлении Робеспьера, как

⁶² Бачко Б. Робеспьер и террор [Электронный ресурс] / Б. Бачко// Исторические этюды о французской революции. - М.: ИВИ РАН, 1998.С.6.

носитель высшего морального закона. Порча нравов связана с отходом от моральных велений природы.

По словам Роже Гароди, Робеспьер искал себе опору на небе, не найдя ее в реальных отношениях классовых сил на земле. Робеспьер не случайно добивался торжественного провозглашения Верховного Существа вскоре после того, как разгром эбертистов и даитонистов внес разброд и смятение в ряды патриотов. Культ Верховного Существа должен был, по мысли Робеспьера, объединить их на основе общей религиозной доктрины. Но желаемых результатов не удалось достичь. Постепенно Робеспьер и Сент-Жюст начинают все отчетливее понимать бесплодность своих мечтаний. Они правильно ощутили, что слишком далек еще тот мир всеобщего благоденствия, о котором они мечтали вместе. Сен-Жюст писал: «Без сомнения, не пришла еще пора делать благо; частное благо, которое уже осуществлено – паллиатив. Это его глубокое разочарование разделял и Робеспьер: «Мой разум – не мое сердце, готов усомниться в этой добродетельной республике, план которой я себе начертал».⁶³

⁶³ Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера [Текст]: монография / Е.З. Серебрянская. - Одесса: 1962. – С.19.

Глава 2: Великая французская революция и деятельность М.

Робеспьера

2.1. Начало революции

Вареннский кризис, возникший в июне — июле 1791 года в связи с попыткой бегства и пленением королевской четы, вскрыл глубокие внутренние противоречия революции.

Максимилиан Робеспьер — политический деятель, шедший до сих пор впереди своего времени, в дни Вареннского кризиса оказался позади хода событий. Позиция, которую он занял, была крайне противоречива.

21 июня, в день, когда Париж был потрясен вестью о бегстве короля, когда на улицах и в общественных зданиях разбивали бюсты Людовика XVI, Робеспьер выступил с речью на заседании Якобинского клуба. С присущим ему бесстрашием он обрушился против тогда еще могущественного большинства Национального собрания. Робеспьер обвинял «Национальное собрание в том, что оно предало интересы нации», всей своей политикой подготовив совершившееся. Его речь потрясла якобинцев. Когда он сказал, что принял бы «как благодеяние смерть, которая помешала бы ему быть свидетелем неотвратимых бедствий», восемьсот человек, присутствовавших в зале, окружили его плотной стеной. «Мы умрем вместе с тобой!» — раздавались возгласы.⁶⁴

Но когда, в ближайшие дни, освободившиеся от монархических иллюзий демократические организации Парижа — Клуб кордельеров,

⁶⁴ Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1989.С.159.

Социальный клуб, часть якобинцев, народные общества — высказались за уничтожение монархии и провозглашение республики, Робеспьер отказался присоединиться к их требованиям. Робеспьер в своих колебаниях в отношении республики исходил из давних, не раз им высказанных опасений, что республика может стать формой господства буржуазной аристократии. Робеспьер в эти первые годы революции уделял преимущественное внимание вопросам политическим и меньше — социальным. Следует также признать, что из всех депутатов Собрания Робеспьер занимал наиболее радикальную позицию по главному социальному вопросу — крестьянскому. Но Робеспьер сохранял равнодушие к интересам рабочих. Робеспьер никогда не осуждал народ. Он видел в нем «главную опору свободы» и считал, что народ всегда прав.

Когда Франция стояла на пороге освободительной войны против тиранов, Робеспьер в своих речах, посвященных вопросам войны (25 января и 10 февраля 1792 года), вновь и вновь обосновывал мысль: главная задача — борьба с внутренней контрреволюцией, и, до тех пор, пока эта задача не выполнена, нет шансов на победу над внешней контрреволюцией. Проявляя глубокое понимание принципов революционной внешней политики, Робеспьер полностью отвергал «ультрареволюционные» жирондистские идеи и планы «освободительной войны», т.е. «экспорта революции», выражаясь современным языком. Робеспьер опасался и не хотел войны с европейскими странами, но мудрые предостережения Робеспьера не могли переубедить даже якобинцев. 20 апреля 1792 года Франция объявила войну «королю Венгрии и Богемии» - австрийскому императору. Теперь стояла другая задача — войну нужно вести, как революционную, народную войну. Эта война была цепью неудач для Франции. Генералы и офицеры в чьих руках было командование армией не хотели и не умели вести войну по-революционному. С конца июня — начала июля в Париже и одновременно в

провинции началась уже почти нескрываемая подготовка к свержению монархии.

На страницах своего журнала «Защитник конституции» Робеспьер печатает обращение прибывших в Париж федератов, полное боевой решимости: «В Париже мы должны победить или умереть». В июле 1792 года Робеспьер, отбросив все прежние сомнения и предубеждения, ратует за немедленное уничтожение монархии и провозглашение республики. Но одного лишь сокрушения старой исполнительной власти недостаточно. А законодательная власть? Заслуживает ли она доверия? Законодательное собрание доказало свое бессилие; оно показало себя соучастником преступных посягательств двора. Оно должно сойти со сцены; оно оставляет Францию беззащитной перед военным деспотизмом, перед посягательствами мятежников. Конвент! «Национальный конвент абсолютно необходим». И он требовал полного восстановления в правах того «трудолюбивого и великодушного класса», который был лишен прав гражданства. Отмена всех ограничений, связанных с имущественным цензом, введение всеобщего избирательного права для выборов в законодательные и все другие органы; Конвент, выражающий волю всех французов.⁶⁵

10 августа народ Парижа в тесном единении с отрядами федератов поднял восстание против ненавистной всем монархии. Народ победил. Людовик XVI был заключен в башню Тампль. Тысячелетняя монархия рухнула. Революция вступала в новый этап.

После 10 августа 1792 г. в мировоззрении Робеспьера произошли очень серьезные сдвиги. Они обусловлены внутренней и внешней политической

⁶⁵ Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1989.С.163.

обстановкой, которая сложилась во Франции в результате усиления классовой борьбы и дальнейшего размежевания сил внутреннего третьего сословия. Победившие в восстании против монархии народные массы не сложили своего оружия. Подлинным властителем в Париже становится вооруженный народ и его представители в лице повстанческой революционной Коммуны.

10 августа он выступал в Якобинском клубе. В кратком изложении его речи" перечисляются практические предложения, которые он вносил: требовать созыва Национального конвента, добиться декрета, объявляющего Лафайета изменником, освободить заключенных патриотов из тюрем, открыть доступ на заседание секций всем гражданам; секциям установить связи с народными обществами и доводить волю народа до сведения Национального собрания; Коммуне — разослать своих комиссаров во все восемьдесят три департамента. Он доказывал — также как гласит отчет, «что было бы крайне неблагоприятно, если бы народ сложил оружие, не обеспечив предварительно своей свободы». Робеспьер не участвовал в уличных сражениях, не штурмовал Тюильрийский дворец, но его роль в подготовке исторического дня 10 августа была значительнее: он был одним из политических руководителей восстания.

Вопрос о роли и значении Робеспьера в Коммуне до сих пор еще мало изучен исторической наукой. Революционная практика Коммуны, опиравшейся на народные массы, обогащала Робеспьера опытом борьбы, революционизировала его взгляды. В своей капитальной монографии по истории Коммуны 10 августа 1792 г. Бреш отмечает, что роль Робеспьера в Коммуне была очень велика. За время работы в Коммуне Робеспьер все больше подходит к пониманию суверенитета народа, как конкретной системы народовластия, решающая роль должна принадлежать общим собраниям секций. Во всех случаях, когда Законодательное Собрание

выступало враждебно по отношению к Парижской Коммуне и пыталось вовсе упразднить ее, Робеспьер считает необходимым обратиться за помощью к секциям. Таким образом, Робеспьер ищет поддержки у народных масс.

Уже в 1791 году, к концу работы Учредительного собрания, депутат от Арраса, служивший мишенью для остроумных монархических борзописцев типа Ривароля, стал самым знаменитым и самым любимым в стране народным представителем. Со всех концов страны к нему шли письма со словами восхищения и благодарности за его мужество, патриотизм, защиту интересов народа. 30 сентября 1791 года, когда закрывалось последнее заседание Учредительного собрания, народ Парижа устроил ему овацию.

В Якобинском клубе он пользовался непререкаемым авторитетом. Вся демократическая печать высказывалась о нем в тоне глубокого уважения. Марат писал о «славе, которой он покрыл себя, неизменно защищая интересы народа о народной привязанности, ставшей справедливой наградой за его гражданские добродетели». Эбер на страницах своего «*Риге Duchesne*» в присутствии ему развязном тоне восклицал: «На мой взгляд, Робеспьер стоит больше, чем все сокровища Перу».

Торжественно был принят декрет об уничтожении королевской власти. День 21 сентября был провозглашен, началом «новой эры» — первым днем первого года Республики, четвертого года Свободы. Ряд ораторов Жиронды — Верньо, Ласурс, Ребекки, Барбару, Луве выступили с обвинениями Робеспьера и Марата в разных злодеяниях и стремлении к диктатуре. Робеспьер перешел в наступление. Он обвинял жирондистов в заговоре против Парижа в попытке противопоставить страну революционной столице.

В речи в Конвенте 3 декабря 1792 года Робеспьер требовал смертного приговора бывшему королю. Его следует не судить, а покарать. Народ,

свергнув его с престола, тем самым решил, что Людовик XVI — мятежник. Он не может быть судим потому, что он уже осужден. На смену старым конституционным законам пришел новый, высший закон, который является «основой самого общества, — это благо народа. Право покарать тирана и право свергнуть его с престола — одно и то же... Восстание — вот суд над тираном: крушение его власти — его приговор; мера наказания та, которую требует свобода народа. Народы судят не как судебные палаты; не приговоры выносят они. Они мечут молнию; они не осуждают королей, они погружают их в небытие».⁶⁶ 21 января 1792 г. Людовик был гильотинирован на площади Революции в Париже.

Революция набирала свои обороты, среди своих появились изменники и предатели. 3 апреля 1793 года Робеспьер выступил в Конвенте с речью о сообщниках Дюмурье. Он начал ее простыми и суровыми словами: «Необходимо серьезно заняться исцелением от наших недугов. Решительные меры, диктуемые угрожающими родине опасностями, должны покончить с этой комедией. Надо спасти родину при помощи подлинно революционных мер. Надо обратиться к силе нации...»

Но это было только вступление. За ним последовало прямое и неотразимое обвинение Жиронды в предательстве. Оно было персонифицировано. Робеспьер говорил не о всех депутатах, примкнувших к Жиронде, а о ее вожде. «Я заявляю, — сказал Робеспьер, — что никогда Дюмурье, никогда враги свободы не имели более верного друга и более полезного защитника, чем Бриссо». И он развернул цепь доказательств, обосновывающих это утверждение. «Я заявляю, — повторил он, — что истинная причина наших бед заключается в преступной связи между

⁶⁶ Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. — М.: Мысль, 1989. С.167.

людьми, находящимися в нашей среде, и именно между указанным мною человеком и всеми теми, кто с ним водится». И он предложил декрет о привлечении к ответственности Бриссо по обвинению в соучастии с Дюмурье.⁶⁷ Выступая в Якобинском клубе 8 мая, Робеспьер говорил: «Во Франции остались лишь две партии: народ и его враги... Кто не за народ, тот против народа, кто ходит в шитых золотом штанах, тот враг всех санкюлотов».⁶⁸ Робеспьер уже с апреля 1793 года в выступлениях в Якобинском клубе требовал проведения практических решений революционного характера: создания революционной, составленной из санкюлотов армии, ареста подозрительных. Теперь пришла пора перейти к главному.

26 мая, выступая в Якобинском клубе, Робеспьер сказал: «Когда все законы нарушаются, когда деспотизм дошел до своего предела, когда попирают ногами честность и стыдливость — тогда народ должен восстать. Этот момент настал». 29 мая он вновь повторил в Якобинском клубе: «Я говорю, что, если не поднимется весь народ, свобода погибнет».⁶⁹

31 мая 1793 года в Париже началось народное восстание; оно было завершено 2 июня. Народное восстание свергло власть Жиронды и передало ее в руки якобинцев.

⁶⁷ Декрет 10 марта 1793 г. об учреждении Революционного Трибунала [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

⁶⁸ Робеспьер М.. Революционная законность и правосудие [Электронный ресурс] / М. Робеспьер // Сборник статей и речей. – М.: - 1959. – Режим доступа <http://bookucheba.com/istoriya-frantsii/deklaratsii-pravcheloveka-24194.html>

⁶⁹ Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1989. – 450 с.

2.2. Революционное правительство

В дни восстания 31 мая — 2 июня Робеспьер внес в свою записную книжку краткие заметки: «Нужна единая воля. Она должна быть или республиканской, или роялистской... Внутренние опасности исходят от буржуазии: чтобы победить буржуазию, нужно объединить народ...» И дальше: «Надо, чтобы народ присоединился к Конвенту и чтобы Конвент воспользовался помощью народа».⁷⁰ Робеспьер представлял и защищал интересы французского народа, творившего революцию.

С поразительной быстротой, в течение трех недель, якобинцы выработали, приняли в Конвенте и поставили на утверждение народа новую конституцию. Эта республиканская, проникнутая духом последовательного демократизма конституция должна была служить идейно-политической платформой, призванной сплотить вокруг нее всю нацию.

Проблемы конституционно-демократического строя принадлежали к числу наиболее разработанных якобинцами вопросов. Робеспьер здесь мог опираться не только на теоретическое наследие Руссо, но и на свой собственный опыт борьбы за принципы демократии в Учредительном собрании. Обобщая живой опыт революции в частности, первый опыт республиканского режима, Робеспьер еще в период борьбы против Жиронды создал стройную систему взглядов по вопросам политической демократии. Новое, что здесь было по сравнению с его конституционной программой периода Учредительного собрания, — это усиление гарантии сохранения народного суверенитета: выборность, отчетность и право отзыва государственных служащих, усиление контроля народа над работой

⁷⁰ Матьез А. Французская революция. Т. 3. [Текст]: монография / А. Матьез. - М.: 1930. - 13 - 14.

законодательных органов; установление предельных сроков (два года) для избираемых государственных служащих и т. п. Новым было также и ограничительное толкование права собственности, внесенное в проект Декларации прав человека и гражданина, написанное Робеспьером «право на труд», что свидетельствовало о желании Робеспьера включить в будущую конституцию и некоторые элементы своих эгалитаристских взглядов.⁷¹ Но истинное величие революционеров и их вождя Максимилиана Робеспьера было в том, что они правильно оценили требования войны насмерть с внешней и внутренней контрреволюцией – отказались от применения на практике конституционного режима и заменили его другой, более высокой формой организации власти – революционно-демократической диктатурой.

Усилиями якобинцев в стране в короткий срок была расширена, а частью вновь создана сеть низовых выборных революционных органов — революционных комитетов. Вместе с «народными обществами», широко разветвленным по всей стране Якобинским клубом с его филиалами и другими демократическими клубами, собраниями секций в Париже и некоторых других городах эти созданные революцией новые, демократические организации стали формой непосредственного участия народа в государственном строительстве и политической жизни страны. Якобинцы — это были «друзья бедных». Сам Робеспьер подчеркивал свою принципиальную приверженность бедности. «Я тоже мог бы продать свою душу за богатство, — говорил он в той же речи. — Но я в богатстве вижу не только плату за преступление, но и кару за преступление, и я хочу быть бедным, чтобы не быть несчастным».

⁷¹ Робеспьер М.. Революционная законность и правосудие [Электронный ресурс] / М. Робеспьер // Сборник статей и речей. – М.: - 1959. – Режим доступа <http://bookucheba.com/istoriya-frantsii/deklaratsii-prav-cheloveka-24194.html>

В начале сентября по требованию народных масс Парижа Конвент декретировал: «Поставить террор в порядок дня». Деятельность Революционного трибунала была расширена. Революционный террор был направлен теперь не только против врагов революции и подозрительных, но и против спекулянтов, скупщиков, нарушителей закона о максимуме.

На данном этапе революционно-демократическая диктатура была просто необходима французскому обществу. Наиболее целостное и стройное обоснование проблемы революционной власти дал Максимилиан Робеспьер. «Теория революционного правления, — говорил он в речи 25 декабря 1793 года, — так же нова, как и революция, создавшая этот порядок правления. Напрасно было бы искать эту теорию в книгах тех политических писателей, которые не предвидели революции».

Тогда возникает вопрос: в чем же сущность революционного правления? В каком соотношении оно находится с конституционно-демократическим строем, за который ратовали вчера якобинцы?

Робеспьер понимает, что этот вопрос возникает перед каждым участником революции, и он дает на него совершенно ясный ответ: «Революция — это война между свободой и ее врагами; конституция — это режим уже достигшей победы и мира свободы». Ту же мысль он выражает еще лапидарнее: «Цель конституционного правления — в сохранении республики, цель революционного правления — создание республики».⁷²

Таким образом, по мысли Робеспьера, режим революционного правления — это переходный период.

⁷² Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. — М.: Мысль, 1989. — 432 с.

В программном докладе «О принципах политической морали», прочитанном в Конвенте 5 февраля 1794 года, он еще раз уточняет, в чем существо «революционного правления» как переходного периода. «Для того, чтобы создать и упрочить среди нас демократию, чтобы прийти к мирному господству конституционных законов, надо довести до конца войну свободы против тирании и пройти с честью сквозь бури революции».⁷³

Робеспьер, обладавший замечательной силой революционного мышления, сумел понять и, обобщив, показать народу величие этого нового переходного режима как формы революционно-демократической диктатуры. У Робеспьера не было той грубой жадности к жизни, того необузданного кипения страстей, которые были так присущи мощной натуре Дантона. Он был строже и сосредоточеннее своих товарищей якобинцев.

Якобинская диктатура разрешила все основные задачи революции. Она разгромила феодализм так полно, насколько это было возможно в рамках буржуазно-демократической революции. Она создала четырнадцать армий, выросших как из-под земли, оснащенных современным оружием, возглавляемых талантливymi полководцами, вышедшими из низов народа и смело применявшими новую, революционную тактику ведения войны. Республика, казалось, подходила к последнему рубежу; за ним наступало возвещенное вождями революции царство свободы, равенства, братства. Но, странное дело, чем выше поднималась революция в своем развитии, чем больше падало врагов, сокрушенных ее смертельными ударами, тем внутренне слабее становилась эта казавшаяся столь могущественной внешне якобинская республика. Максимилиан Робеспьер в речи в Якобинском клубе

⁷³ Робеспьер М.. Революционная законность и правосудие [Электронный ресурс] / М. Робеспьер // Сборник статей и речей. – М.: - 1959. – Режим доступа <http://bookucheba.com/istoriya-frantsii/printsipah-politicheskoy-morali-24198.html>

1 июля 1794 года говорил: «О процветании государства судят не столько по его внешним успехам, сколько по его счастливому внутреннему положению. Если клики наглы, если невинность трепещет, это значит, что республика не установлена на прочных основах».⁷⁴

В чем же было дело? Что же случилось?

Якобинская диктатура обеспечила решение задач буржуазно-демократической революции, действуя плебейскими методами. Но как только главные задачи революции были разрешены, враги ее повержены, непосредственная опасность реставрации устранена, все внутренние противоречия, заложенные в самой природе якобинской власти, немедленно всплыли на поверхность. Робеспьер отвергал установление полного имущественного равенства; он считал его неосуществимым, а пропаганду его вредной. По этим же мотивам он осуждал так называемые аграрные законы, под которыми понимали передел на разных долях всей земли, осуждал и выдвинутый Жан Жаком Руссо нашумевший тезис: «Необходимо, чтобы серп равенства прошелся по головам богатых!»

Но, не веря, вслед за Руссо, в возможность установления полного имущественного равенства, Робеспьер был искренне убежден в необходимости и благодетельности устранения крайностей имущественного неравенства. Он стремился к относительному уравниванию состояний. Политика принудительных займов у богатых, прогрессивно-подходный налог, подушный раздел общинных земель, дробление земельных участков, подлежащих продаже, ограничение права наследования, применение террора

⁷⁴ Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1989. – 480.

против спекулянтов и нарушителей максимума, наконец, знаменитые вантозские декреты — все это служило доказательством того, что возглавляемое Робеспьером революционное правительство стремилось к осуществлению своей эгалитаристской программы, призванной установить «царство вечной справедливости».

Но политика эгалитаризма, энергично проводимая якобинским революционным правительством, вела Республику отнюдь не к «счастью добродетели и скромного довольства», о чем мечтали ее вдохновители. «...Идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач... — писал В. И. Ленин. — Равенство не только идейно выражает наиболее полное осуществление условий свободного капитализма и товарного производства. И материально, в области экономических отношений земледелия, вырастающего из крепостничества, равенство мелких производителей является условием самого широкого, полного, свободного и быстрого развития капиталистического сельского хозяйства».

Якобинцам и их вождю Робеспьеру не удалось полностью осуществить свою эгалитаристскую программу — создать республику «равенства мелких производителей». Но даже то, что они успели сделать — а сделано было немало: был сокрушен и уничтожен феодализм, — дало результаты, подтверждающие глубокую истинность приведенного высказывания В. И. Ленина. Как только опасность реставрации миновала, буржуазия, а вместе с ней и все собственнические элементы, тяготившиеся ограничительным режимом якобинской диктатуры, стали искать средства избавления от него. Вслед за буржуазией поворот вправо совершило и зажиточное, а затем и среднее крестьянство. Поворот буржуазии и основных масс собственнического крестьянства против якобинской диктатуры означал складывание сил буржуазной контрреволюции в стране. Робеспьер и

революционное правительство сражались против неодолимой силы, против гидры, у которой на месте одной отрубленной головы сразу вырастало десять новых. Возглавляемое Робеспьером правительство не имело должной опоры, не знало даже на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры.

Социальное недовольство нарастало, а якобинское правительство ничего не делало для улучшения тяжелого положения сельской бедноты, не защищало ее интересов. Проводимые реквизиции рабочих рук также вызывали недовольство. Эти обстоятельства вели к кризису якобинской диктатуры. Робеспьер понимал, что по мере движения революции вперед люди не становятся лучше и число врагов Республики не убывает. Напротив их становится день ото дня все больше. Теперь развернулась борьба в рядах самого якобинского блока. Ошибка Робеспьера заключалась в том, что он не сумел сразу разглядеть, что речь шла уже не об одном или даже двух десятках отщепенцев, интригантов, изменников изменивших принципам политической морали, а на деле оказалось, что против революции движутся бескрайние ряды вражеских сил. Крепкая, алчная, жадная буржуазия росла, поднималась из всех щелей и пор расчищенной якобинским плугом почвы Франции, и не было тогда силы, которая могла бы ее остановить.

Та же противоречивость, те же ошибки проявлялись и в социальной политике якобинского правительства. Как уже говорилось, в марте 1794" года были приняты вантозские декреты, предусматривавшие бесплатный раздел собственности врагов революции среди неимущих. Но, странное дело, прошел месяц, другой, а вантозское законодательство не реализовалось. Оно встретило отрицательное, вернее, враждебное отношение широких слоев буржуазии и зажиточного крестьянства. Оно натолкнулось на молчаливое сопротивление большинства членов Конвента, правительственного аппарата в центре и на местах. 7 мая 1794 года он выступил в Конвенте с большой

речью в пользу культа «верховного существа».⁷⁵ Идея «„верховного существа“ — это идея социальная и республиканская», — говорил Робеспьер. Культ «верховного существа» был попыткой объединения и сплочения нации на почве новой государственной республиканской религии.

Жерар Вальтер в своем исследовании о Робеспьере высказывает мнение, что эта речь наиболее полно и глубоко выражала мысли Неподкупного. Может быть, это близко к истине. Во всяком случае, речь была написана или произнесена с несомненным воодушевлением. Робеспьер был еще полон надежд; эта речь еще дышала горячей верой в близкое достижение победы. «И вы, основатели Французской республики, — говорил он, обращаясь к членам Конвента, — остерегайтесь терять надежду на человечество или усомниться хотя на миг в успехе вашего великого начинания! Мир изменился. Он должен измениться еще больше!». 8 июня в Париже Робеспьер был избран председателем Конвента. От имени революционного правительства он произнес краткую речь: «Французы, республиканцы, вам надо очистить землю, которую загрязнили "тираны, и призвать вновь справедливость, которую они изгнали», — говорил он. Юрист, лицензиат прав, адвокат, всегда стремившийся использовать все процессуальные нормы в интересах защиты, Робеспьер сознательно пошел на их усечение, на сужение гарантий обвиняемого в судебном процессе ради ускорения работы Революционного трибунала, усиления революционного террора. Он энергично поддержал внесенный Кутоном 10 июня законопроект, предусматривавший реорганизацию Революционного трибунала и

⁷⁵ Речь Робеспьера 7 мая - 5 июля 1794 г в Конvente [Электронный ресурс]: Робеспьер. М. Избранные произведения. М.: Наука, 1965. т. 3. с. 161-199. – Режим доступа <http://larevolution.ru/robepierre/Robes5.html>

упрощение судебного процесса в целях быстрее покарания врагов революции. Террор усилился. Приговоры Революционного трибунала выносились быстро и большей частью повторяли одно и то же решение: смертная казнь. За полтора месяца, с 23 прериаля по 8 термидора, Революционный трибунал вынес тысячу пятьсот шестьдесят три приговора; из них тысяча двести восемьдесят пять произнесли — смерть и лишь двести семьдесят восемь — оправдание. За предыдущие сорок пять дней было вынесено пятьсот семьдесят семь смертных и сто восемьдесят два оправдательных приговора. Он, несомненно, сыграл немалую роль в принятии закона 22 прериаля. Но этим его причастность к террору лета 1794 года исчерпывалась. В речи 14 июля 1793 года в Якобинском клубе, на другой день после убийства Марата, Робеспьер говорил: «Надо, чтобы убийцы Марата и Пелетье искупили на площади Революции свое ужасное преступление. Надо, чтобы пособники тирании, вероломные депутаты, развернувшие знамя мятежа, те, кто постоянно точит ножи над головой народа, кто погубил родину и, в частности, некоторых сынов ее, надо, говорю я, чтобы эти чудовища ответили нам своей кровью, чтобы мы отомстили им за кровь наших братьев, погибших во имя свободы, и которую они с такой жестокостью пролили... Надо, чтобы каждый из нас, забывая себя, хотя бы на время отдался республике и посвятил бы себя без остатка ее интересам».

В этом выступлении вполне ясно определены политические мотивы террористической практики, которую предлагал Робеспьер: «надо отомстить за погибших». Террор ограничивается здесь рамками ответной политической акции. И во всех своих выступлениях в Якобинском клубе, в Конвенте

Робеспьер подчеркивает ту же мысль, не уклоняясь от личной ответственности за эти репрессивные меры.⁷⁶

В 1794 году внутри якобинского клуба разразилась борьба. Судебные процессы против дантонистов и эбертистов занимают важное место в истории Французской революции. Робеспьер использовал самые крайние меры к изменникам - смертная казнь. Возникает вопрос: нес ли он за это ответственность, и было ли это сделано сознательно? Однозначный ответ – да. Робеспьер не мог поступить иначе, он всю жизнь боролся за социальное равенство своего народа, но на его пути постоянно возникали препятствия, которые он вынужден был устранять любыми способами, чтобы добиться наступления справедливого, счастливого, «золотого» века.

⁷⁶ Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1989. – 432 с.

2.3. Термидорианский конвент и директория июль 1794 – декабрь 1799

16 жерминаля (5 апреля) – 9 термидора (27 июля) таков краткий срок, отделяющий эпоху высшего торжества робеспьеристов от момента их падения. Победа казалась полной и окончательной - после гибели эбертистов и дантонистов на сцене не оставалось ни одного открытого противника монтаньярского центра. Однако, менее чем через четыре месяца надвигается неожиданная катастрофа. Каковы причины этого столь непонятного на первый взгляд явления?

Уже к моменту торжества робеспьеристов тот социальный базис, на который опиралась их диктатура, оказался настолько узким, что не мог вынести тяжести возведенной на нем грандиозной постройки. Из всех классов, поддерживавших до этого времени систему якобинского террора, все кроме мелкой буржуазии, постепенно отошли от нее, а мелкая буржуазия одна не была в состоянии более или менее продолжительное время противостоять силе объединившихся против нее разнородных общественных сил. Почему это случилось?

Политика монтаньяров не только не удовлетворила ни одного класса, но и вызвала дальнейшее обострение классовых противоречий. Положение было абсолютно безвыходным. Политика «максимума», принудительного займа и реквизиций была необходима для торжества революции, и она же, вместе с тем, подрывала ту опору, на которой держалась революционная власть. Таков был заколдованный круг, в котором очутились робеспьеристы.⁷⁷

⁷⁷ Захер Я. М. Робеспьер [Текст]: монография / Я.М. Захер. - М.: - 1925.

Взрыв классовых противоречий поставил робеспьеристов перед выбором. Надлежало определить, с кем идти дальше – с рабочими против буржуазии и крестьянства или с буржуазией и крестьянами – против рабочих? Идти с буржуазией означало бы, отказаться от своей экономической политики и стать на путь решительной борьбы с неимущими массами, настаивавшими на дальнейшем углублении революции и требовавшим перехода от равенства политического к равенству экономическому. Пойти с рабочими – означало идти по пути усиления и углубления политики «максимума» и реквизиций, по пути беспощадного террора за спекуляцию и подпольную торговлю, по пути борьбы с развитием промышленного капитализма. Но монтаньяры не пошли ни по тому, ни по другому пути, или вернее и по тому, и по другому пути. Принятый конвентом под давлением Робеспьера закон 22 прелиаля, невероятно упрощавший порядок судопроизводства в Революционном Трибунале означал новый шаг вперед по пути союза с «бешеными». Произведена реорганизация Комунны, секций, причем выборность в них была заменена системой назначения, имела своей задачей подчинение этих органов самоуправления контролю монтаньяров и полное уничтожение главных очагов влияния парижской бедноты, также постоянная борьба со злоупотреблениями должностных лиц. Робеспьер вел новую деистическую, но не христианскую религию. Этой цели удовлетворял культ Верховного Существа, в основу которого был положен принятый Конвентом по докладу Робеспьера декрет 7 мая о том что «французский народ признает существование Верховного Совета и бессмертие души».

Таким образом, робеспьеристы со своей промежуточной классовой сущностью бессильно колебались между тем и другим, стараясь затушевать классовые противоречия под видом единого национального порыва. Для этого нужна была какая-нибудь внушительная манифестация. Этой цели послужил праздник 8 июня в честь Верховного Существа. Никогда еще

робеспьеристы не были так слабы, как именно в этот момент, летом 1794 года.

Была ли термидорианская катастрофа абсолютно неизбежной? Ответить на этот вопрос чрезвычайно трудно. Во всяком случае, если она и могла быть избегнута, то лишь при том условии, чтобы поставленный им историей вопрос «с кем идти»? монтаньяры разрешили в смысле идти в сторону с буржуазией.⁷⁸ При создавшемся состоянии неустойчивого равновесия, достаточно было толчка, чтобы неизбежная катастрофа разразилась. Таким толчком послужил раскол в Конвенте и обоих Комитетах. Некоторое значение имели и моменты личного характера, содействовавшие образованию коалиции против Робеспьера.

Во главе антиробеспьеристского заговора стали лица, бывшие личными врагами Робеспьера: Тальен, Фуше, Бурдод из Уазы и др., на которых он нападал в Конвенте и в якобинском клубе. Создавшееся из правых и левых элементов ядро заговора стало быстро расти. Пользуясь всевозможными предложениями обвинения Робеспьера в стремлении к диктатуре и играя на шкурных инстинктах многих депутатов Конвента, опасавшихся новых проскрипций, заговорщики добились большинства в обоих правительственных комитетах. Что же делал Робеспьер в это время?

Ничего. Ибо решиться на борьбу со своими противниками – это значило выбрать какой-либо один из единственно возможных для него путей. А этого Робеспьер сделать не мог. Не зная, что ему делать, не решаясь что-либо предпринять, Робеспьер еще за месяц до 9 термидора перестает принимать активное участие в работе Конвента и Комитета Общественного Спасения. 8

⁷⁸ Захер Я. М. Робеспьер [Текст]: монография / Я.М. Захер. - М.: - 1925.

термидора он впервые после продолжительного отсутствия появляется в Конвенте и произносит там длинную защитительную речь.⁷⁹ Из этой речи Робеспьер не сделал никаких практических выводов и не решился назвать имена руководителей заговора. В то время, как вожди заговора готовились к бою, робеспьеристы покорно выжидали событий, ничего не предпринимая.

Заседание Конвента 9 термидора с самого начала было необычайно бурным. Робеспьеру и его защитникам не дали слова. Антиробеспьеристский блок имел явное большинство, и заседание закончилось постановлением об аресте Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона, Леба, и Робеспьера младшего.

В ответ на постановление Конвента об аресте и предании суду робеспьеристов, Парижская Коммуна призвала народ к восстанию и распорядилась об освобождении арестованных депутатов. В ответ на это Конвент объявил вне закона как этих последних, так и Коммуну и всех вообще граждан, вставших на их сторону, и также призвал народ к вооруженному восстанию. Судьба робеспьеристов должна была решиться на улице. В то время как национальная гвардия буржуазных секций без колебаний стала на сторону Конвента, население предместий, бывшее до сих пор главной опорой революции, не приняло никакого участия в событиях этого дня. Дело Робеспьера было безвозвратно проиграно.

Сам Робеспьер до последнего не желавший идти на открытое сопротивление Конвенту, отказывался подписать воззвание к народу с призывом к восстанию и стал подписывать его лишь тогда, когда войска Конвента, не встретив никакого сопротивления, вступили в здание ратуши. Раненый в челюсть выстрелом одного из вошедших (по другой версии он

⁷⁹ Речь в Конвенте 26 июля 1794 г. - 8 термидора II года республики, повторенная в тот же вечер в Обществе друзей свободы и равенства [Электронный ресурс]: Робеспьер, М. Избранные произведения. М.: Наука, 1965. т. 3. с. 204-230. – Режим доступа <http://1789-fr.ru/Robespierre/Robes6.html>

пытался покончить с собой), Робеспьер был арестован и отвезен в помещение Комитета Общественного Спасения. Робеспьер младший выбросился из окна, но остался жив, Леба застрелился.

Так как все робеспьеристские депутаты были объявлены вне закона, то надобности в суде над ними не представлялось и на следующий день, 10 термидора, оба Робеспьера, Сен-Жюст и Кутон были отправлены на гильотину. Вместе с ними погибли и члены Коммуны, а также лица, принимавшие участие в попытке восстания. Революция была закончена, и гибель Робеспьера открывала дверь для торжественного шествия буржуазной реакции. Путь к диктатуре крупной буржуазии был свободен.

Заключение

М. Робеспьер (1758-1794) - политический деятель, депутат Генеральных штатов, член Учредительного собрания, с 1793 г. возглавлявший якобинский Комитет общественного спасения, был выразителем интересов мелкой буржуазии.

Таким образом, задачи решены в полном объеме, цель достигнута. При написании дипломной работы, рассмотрев, и проанализировав источники, и литературу мы пришли к следующим выводам: Робеспьер выступал против феодально-монархических порядков, за создание республики, введение всеобщих избирательных прав, предоставление прав каждому гражданину на участие в государственной деятельности, за суверенитет народа которому должна принадлежать верховная власть в государстве, за разделение властей. Политик - приверженец естественных прав человека, свободы и политического равенства людей и враг всякого угнетения, в какой бы форме и масштабе оно ни осуществлялось. С приходом к власти якобинцев и под влиянием сопутствующих тому времени событий во Франции политическая доктрина Робеспьера стала изменяться. Он встает на позиции признания необходимости ужесточения борьбы против врагов революции. Ставит перед собой задачу сопоставления двух типов правительства конституционного и революционного. Цель первого - сохранить республику, цель второго - создать ее. Робеспьер отмечал, что «революционное правительство должно быть более активным в своих действиях и более свободным в своих движениях, чем обычное правительство». Это не означает, что оно становится менее справедливым и менее законным, так как осуществляет свою деятельность, которая направлена на благо народа, на самые неопровержимые права человека. Всего этого можно добиться лишь путем террора против врагов свободы, руководствуясь тем, что «революционное правление - это деспотизм свободы против тирании.

Робеспьер считал, что конечной целью революции должно быть построение нового общества на основе принципов республиканской морали, опирающейся на искусственно созданную государственную религию - культ Верховного существа. С победой республиканской добродетели будут решены все социальные проблемы.

Что касается механизмов политической деятельности, которые использовал Робеспьер на протяжении революции, и с помощью этих механизмов он достиг таких успехов, славы и в то же время осуждения, это то, что он обещал народу, что тот хотел получить, но при этом не старался выполнить свои обещания в скором времени. А народ тем временем верил, ждал и шел за Робеспьером. Гибель Робеспьера означала вместе с тем и гибель иллюзий буржуазной революции.

Несмотря на то, что участие Робеспьера во Французской революции имеет большое положительное значение, также имеются на наш взгляд и негативные стороны: террор, сопровождаемый проскрипциями и казнями начиная уже с 1793 года; использование народных масс и их силы для достижения своих целей; распространение беззакония и массовая резня (свержение трона, взятие Бастилии, сентябрьская резня). Репрессии лишь кажутся деструктивными; правосудие карает виновных и, искореняя остатки злополучного прошлого, является, в основе своей, обновляющей силой. Робеспьер - не Марат, и он не призывает к народной ярости; его речь той осенью 1792 г. не была наброском будущего террористического режима. И, тем не менее, принцип "нет революции без революции", двусмысленности и недосказанности, которыми он окружает революционное насилие и казни без суда, являются началом того склона, по которому вскоре начнется скольжение, ведущее к утверждению монополии революционного государства на распространение страха и осуществление коллективного насилия.

В заключении уместно привести фразу Бабефа относительно деятельности Робеспьера: «В конечном итоге робеспьеризм — это демократия; оба эти слова тождественны. Воскрешая робеспьеризм, можно быть уверенным, что воскрешаешь демократию».⁸⁰

⁸⁰Левандовский, А.П. Максимилиан Робеспьер [Текст]: монография / А.П. Левандовский. — Ростов н/д.: Феникс, 1997. — 494 с.

Библиография

Источники

1. Декрет Законодательного собрания о созыве Национального конвента 10 августа 1792 г. [Электронный ресурс]: Крашенникова Н.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. (Новое и новейшее время). – М.: Зерцало, 1999 г. – Режим доступа <http://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iaay/gos/prav/zar/str/>
2. Декрет 10 марта 1793 г. об учреждении Революционного Трибунала [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>
3. Декрет Конвента о подозрительных 17 сентября 1793 г. [Электронный ресурс]: Крашенникова Н.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. (Новое и новейшее время). – М.: Зерцало, 1999 г. – Режим доступа <http://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iaay/gos/prav/zar/str/>
4. Декрет об установлении максимума цен и заработной платы 29 сентября 1793 г. [Электронный ресурс]: Крашенникова Н.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. (Новое и новейшее время). – М.: Зерцало, 1999 г. – Режим доступа <http://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iaay/gos/prav/zar/str/>
5. Доклад Робеспьера Национальному конвенту от имени Комитета Общественного спасения 15 февраля (5 декабря 1793 г.). [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

6. Документы истории Великой Французской Революции: В 2-х т. Т.1. [Текст] / Под ред. А. В. Адо. – М.: МГУ, 1990. – 528 с.
7. Из речи Робеспьера в якобинском клубе 1 жерминаля (21 марта 1794 г.). [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>
8. Из проекта доклада Робеспьера Национальному Конвенту от имени Комитета Общественного спасения. [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>
9. Закон 17 сентября 1793г. о подозрительных. [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>
10. Марат, Жан Поль Избранные произведения: В 3 т.
 - Т. 1. [Текст] / Ж.П. Марат; сост. В. П. Волгин, А. З. Манфред, пер. С. Б. Канна. – М.: Академия наук СССР, 1956. – 360 с.
 - Т. 2. [Текст] / Ж.П. Марат; сост. В. П. Волгин, А. З. Манфред, пер. С. Б. Канна. – М.: Академия наук СССР, 1956. – 387 с.
 - Т. 3. [Текст] / Ж.П. Марат; сост. В. П. Волгин, А. З. Манфред, пер. С. Б. Канна. – М.: Академия наук СССР, 1956. – 420 с.
11. Марат, Жан Поль Памфлеты. Под ред. Ф.Кон. [Электронный ресурс] / Ж. П. Марат. – М.: Наука, 1937. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>
12. Петиция секции Гравилье Национальному Конвенту 9 марта 1793 г. [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>
13. Постановление Генерального Совета Коммуны Парижа, принятое 10 октября 1793 г. по проекту Шометта [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

14. Речь Робеспьера в заседании Якобинского клуба 23 августа 1793 г. [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>
15. Доклад в Конвенте 25 декабря 1793 г. - 5 нивоза II года республики. О принципах революционного правительства. [Электронный ресурс]: Адо, А.В. Документы истории Великой Французской революции в 2-х томах. Т.1. – М.: МГУ, 1990. – Режим доступа <http://istmat.info/node/27370>
16. Из речи Робеспьера 8 термидора 2-го года республики. [Электронный ресурс]: Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789 – 1794. – Л.: Прибой, 1926. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

Литература

1. Адо, А.В. Французская революция в советской историографии [Электронный ресурс] / А. В. Адо // Исторические этюды о французской революции (Памяти В.М. Далина). – М.: ИВИ РАН, 1998. – Режим доступа <http://liberte.newmail.ru/Ado1.html>
2. Аксенова Е.Ю. Полемика Э. Берка и К.Маколей по вопросу оценки Французской революции [Текст] / Е.Ю. Аксенова// Новая история. Международные отношения. – 2014. Т.14. вып 1. – С. 1-6
3. Беляева, Г.П. История государства и права зарубежных стран [Текст]: учеб. пособие для студентов педвузов / Г.П. Беляева, К.Е. Ливанцев. – СПб: Книга, 2000. – 453 с.
4. Блан, Луи. История французской революции. – В 12-ти т. Т.10. [Текст]: монография / Л. Блан. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1909. – 357 с.
5. Блуменау, С. Ф. Французская революция конца XVIII века в современной научной полемике [Текст] / С.Ф. Блуменау // Вопросы истории. – 1998. - № 9. – С. 141 – 150

6. Блуменау, С.Ф. Французский историк о механизмах террора во время революции [Текст] / С.Ф. Блуменау // Новая и новейшая история. – 2006. - № 3. – С. 126 – 132
7. Бовыкин, Д. Ю. Революционный террор во Франции XVIII в.: новейшие интерпретации [Текст] / Д.Ю. Бовыкин // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 144 – 149
8. Бовыкин, Д. Ю. Термидор, или Миф о конце Революции [Текст] / Д.Ю. Бовыкин // Вопросы истории. – 1999. – № 3. – С. 144 – 165
9. Бовыкин Д.Ю. Термидор: старые проблемы и новые споры [Электронный ресурс] / Д.Ю. Бовыкин // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. М.: Эдиториал УРСС, 2000. с. 88-102. – Режим доступа <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Bovykine-2000.html>
10. Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемические заметки) [Текст] // Новая и Новейшая история. – 2007. №1. – С. 88-103.
11. Гордон, А.В. Власть и революция [Текст]: советская историография Великой французской революции: 1918 – 1941 / А.В. Гордон. – Саратов: Научная книга, 2005. – 252 с.
12. Генифе, П. Марат – идеолог Террора [Текст] / П. Генифе // Вопросы истории. – 2003. - № 4. – С. 150 – 156
13. Генифе, П. Политика революционного террора 1789 – 1794 [Текст]: монография / П. Генифе. – М.: Мысль, 2003. – 320 с.
14. Генифе, П. Террор: случайность или неизбежный результат революции? Из уроков Французской революции XVIII в. [Текст] / П. Генифе // Новая и новейшая история. – 2003. - № 3. – С. 61 – 76
15. Генифе, П. Французская революция и Террор [Электронный ресурс] / П. Генифе // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции

- 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 68-87. –
Режим доступа <http://annuaire-fr.narod.ru/fe2000-oglav.html>
16. Герцензона А. Робеспьер Максимилиан. Революционная законность и правосудие [Текст]: монография / А. Герцензона. - М.: - 1959.
 17. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство [Текст] / Пер. с франц. Ю.М. Денисова и Ю.Н. Стефанова. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
 18. Карлейль, Т. История Французской революции [Текст] / Пер. с англ. Ю.В. Дубровина и Е.А. Мельниковой. - М.: Мысль, 1991. — 575 с.
 19. Кинэ, Э. Критика Революции. [Электронный ресурс]: монография / Э. Кинэ. – М.: Мысль, 1908 Т. 2. – Режим доступа <http://lib.aldebaran.ru>
 20. Ламартин, А. История жирондистов: В 4-х т. Т. 3. [Текст]: монография /А. Ламартин. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1905. – 408 с.
 21. Левандовский, А.П. Дантон [Текст]: монография / А.П. Левандовский. – Ростов н/д.: Феникс, 1997. – 416 с.
 22. Левандовский, А.П. Максимилиан Робеспьер [Текст]: монография / А.П. Левандовский. – Ростов н/д.: Феникс, 1997. – 448 с.
 23. Лукин Н.М. Максимилиан Робеспьер: В 3-х т. Т. 1. [Текст]: монография / Н.М. Лукин. – М.: издательство АН СССР. 1960 г.
 24. Манфред, А.З. Великая Французская Революция [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1983. – 431с.
 25. Манфред, А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции [Текст]: монография / А.З. Манфред. – М.: Мысль, 1989. – 432 с.
 26. Манфред А. З. Споры о Робеспьере [Текст] / А.З. Манфред // Вопросы истории. - 1958.- № 7.
 27. Матъез, А. Французская революция [Текст]: монография / А. Матъез. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – 576 с.

28. Одесский, М.П. Поэтика террора и новая административная реальность [Текст]: очерки истории формирования / М.П. Одесский, Д.М. Фельдман. – М.: РГГУ, 1997. – С. 8-63
29. Олар, А. Политическая история французской революции [Текст]: монография / Пер. с франц. Н. Кончевской. — М.: ОГИЗ, 1938. – 979 с.
30. Олар, А. Теория насилия и французская революция [Электронный ресурс]: монография / Пер. с франц. Н. Кончевской. — Париж: Русское книзд-во Я. Поволоцкий и Ко, 1924. – Режим доступа <http://www.vusnet.ru>
31. Ревуненков, В.Г. Очерки по истории Великой французской революции 1789 – 1814 гг. [Текст]: монография / В.Г. Ревуненков. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1996. – 397 с.
32. Ревуненков В.Г. Проблемы якобинской диктатуры в новейших работах советских историков [Электронный ресурс] // Историографический сборник. – Л.: 1967 – С. 83-92. – Режим доступа <http://istmat.info/node/29222>
33. Старосельский, Я. Проблемы якобинской диктатуры [Электронный ресурс] / Я. Старосельский // Н.М.Лукин. Избр.труды, т.1. - Л., 1960, стр.322—388. Режим доступа <http://istmat.info/node/28458>
34. Собуль, А. Первая республика [Текст]: монография / А. Собуль. — М.: Наука, 1974. – 275 с.
35. Тарле, Е.В. Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. [Текст]: монография / Е.В. Тарле. — М.: Наука, 1918. – 312 с.
36. Фюре, Ф. Постигжение Французской революции [Текст]: монография. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 435 с.
37. Черняк, Е. Б. 1794 год [Электронный ресурс] / Е. Б. Черняк: актуальные проблемы исследования Великой французской революции // 200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник. – М., 1989. – С. 212 – 265. – Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

38. Чудинов, А.В. Утопии века Просвещения [Электронный ресурс] / А.В. Чудинов. — М.: ИВИ РАН, 2000. — Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>
39. Чудинов, А.В. Суровое «счастье Спарты» [Электронный ресурс]: современники Французской революции о феномене Террора / А.В. Чудинов // Человек эпохи Просвещения. — М.: ИВИ РАН, 1999. — С. 173 - 187. — Режим доступа <http://vive-liberta.narod.ru>

Приложение №1

Территория Франции в период Буржуазной революции 1789-1794 гг.

Приложение №2

Декреты; Петиции; Речи Робеспьера на заседаниях Якобинского клуба,
Национального Конвента.

Декрет Законодательного собрания о созыве Национального конвента

10 августа 1792 г.

Национальное собрание, принимая во внимание, что опасность, грозящая отечеству, дошла до крайних пределов; что священнейшим долгом Законодательного корпуса является употребление всех средств к спасению отечества; что невозможно найти действительные средства к спасению отечества до тех пор, пока не заставят иссякнуть источник зла; принимая во внимание, что это зло проистекает главным образом из недоверия, которое внушило поведение главы исполнительной власти во время войны, предпринятой от его имени против конституции и национальной независимости постановляет следующее:

1. Французский народ призывает избрать Национальный конвент; специально избранная комиссия представит завтра проект с указанием способа и времени созыва сего конвента.

2. До тех пор пока Национальный конвент не выскажется по поводу мер, которые необходимо принять для охранения суверенитета народа, царства свободы и равенства, глава исполнительной власти временно отстраняется от своих обязанностей.

5. Выплата по цивильному листу будет приостановлена до решения Национального конвента.

Документы истории Великой французской революции. Т. I. М. 1990.

Декрет Конвента о подозрительных 17 сентября 1793 г.

1. Немедленно по опубликовании настоящего декрета все подозрительные лица находящиеся на территории Республики и пользующиеся еще свободой, должны быть арестованы.

2. Считаются подозрительными: 1) те, кто своим поведением или связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании, федерализма и враги свободы; 2) те, кто не могут удостоверить источники своего существования и факт исполнения своих гражданских обязанностей; 3) те, которым отказано в выдаче свидетельства о цинизме (благонадежности); 4) государственные служащие, отрешенные или смещенные со своих должностей Национальным конвентом, или его комиссарами и не восстановленные на них; 5) те из бывших дворян, включая мужей, жен, отцов, матерей, сыновей или дочерей, братьев, сестер и, служащих эмигрантов, которые не проявляли постоянно своей привязанности к революции; 6) те, кто эмигрировали в промежуток времени с 1 июля 1789 года до обнародования закона от 8 апреля 1792 года, хотя бы они и вернулись во Францию в срок, предписанный последним законом или еще до истечения этого срока.

3. Наблюдательные комитеты обязаны составить каждый в пределах своего округа список подозрительных лиц, издать приказ об их аресте и опечатать их бумаги.

5. Лица, задержанные в качестве подозрительных, сперва отводятся в дома заключения по месту своего ареста; за отсутствием тюрем они оставляются под домашним арестом и надзором;

6. В течение следующей недели они переводятся в национальные помещения, каковые должны быть указаны и приготовлены для этой цели

административными властями департамента немедленно по получении настоящего декрета.

7. Они останутся там под стражей впредь до заключения мира.

8. Издержки на охрану заключенных производятся за их счет и распределяются между ними поровну

9. Наблюдательные комитеты немедленно пересылают Комитету общей безопасности при Национальном конвенте; список задержанных ими лиц вместе с указанием причин их ареста и взятыми у них бумагами.

Документы истории Великой французской революции. Т. I. М., 1990.

Декрет об установлении всеобщего максимума 29 сентября 1793 г.

Национальный конвент, заслушав доклад своей комиссии по выработке закона о назначении максимума цен съестных припасов и товаров первой необходимости, декретирует нижеследующее;

Ст. 1. Предметы, представляющие, по мнению Национального конвента, первую необходимость и для которых он считает нужным установить максимум или наивысшие цены, — суть: мясо свежее, солонина и свиное сало, масло коровье, масло растительное, живой скот, соленая рыба, вино, водка, уксус, сидр, пиво, дрова, древесный уголь, каменный уголь, сальные свечи, гарное масло, соль, сода, мыло, поташ, сахар, мел, белая бумага, кожа, железо, чугун, свинец, сталь, медь, пенька, лен, шерсть, материи, полотно, фабричное сырье, сабо, башмаки, сурепица и репа, табак.

Ст. 2. Максимальной ценой дров первого сорта, равно как и угля древесного и каменного, является цена, существовавшая в 1790 г., плюс одна двадцатая ее часть. Закон от 19 августа об определении цен на топливо, уголь и торф департаментами отменяется.

Максимум, или наивысшая цена, листового табака — 20 су за фунт; курительного табака — 10 су, соли — 2 су, мыла — 25 су...

Ст. 7. Все те лица, которые продадут или купят товары, перечисленные в ст. 1-й, выше максимума, установленного и опубликованного в каждом департаменте, уплачивают в административном порядке денежную пеню в двойном размере против стоимости проданного предмета, идущего в пользу доносчика. Эти лица будут внесены в списки подозрительных и преследуемых как таковые. Покупатель не подвергается указанному взысканию, если он объявит о нарушении закона продавцом. Каждый же купец обязан иметь в своей лавке таблицу с указанием максимальных, или наивысших, цен его товаров...

Ст. 17. На время войны запрещается вывоз через все границы товаров и съестных припасов первой необходимости, под каким бы наименованием и условием он ни имел места, за исключением только соли.

**Петиция секции Гравилье Законодательному собранию 4 августа
1792 г.**

Мэр г. Парижа изложил вам вчера преступления Людовика XVI. 30000 граждан секции Гравилье голосовали совершенно сознательно троекратно, во всех случаях единогласно, за необходимость изложения короля. Этот вотум подтвержден уже 46 секциями столицы. Поводы к низложению короля указаны в конституции, но там не объяснено, в какой форме это низложение должно иметь место. По смыслу конституции, никакое наказание не может быть определено иначе, как только приговором суда, и обвинение не может быть предъявлено иначе, как обвинительной камерой. Вы являетесь этим судом, и мы просим вас объявить немедленно, что основание для предъявления обвинений Людовику XVI имеется налицо...

**Доклад в Конвенте от имени Комитета общественного спасения 5
декабря 1793 г. (15 фримера II года республики).**

Объединившиеся против республики монархи воюют с нами своими армиями, интригами и пасквилями. Мы противопоставляем их армиям более храбрые армии, их интригам - бдительность и страх перед национальным правосудием, их пасквилям - правду.

По мере того, как патриоты своими руками разрывают нити тайных заговоров, которые плетут эмиссары врагов Франции, они стараются вновь завязать эти нити; они искусно направляют армии свободы против самой свободы, а теперь стараются свергнуть республику средствами республиканизма и снова разжечь гражданскую войну своей ложной философией. С широкой системой разрушения и системой лицемерия прекрасным образом совпадает и предательский план подвергнуть позору Национальный конвент и саму нацию.

В то время как по вероломству или по опрометчивости то вызывали раздражение применением революционных мер, требующихся для спасения родины, то их вовсе не применяли, то злостно преувеличивали их, либо придавали им противоположный смысл; в то время как среди всех затруднений эти меры подстрекали агентов иностранных держав пускать в ход все движущие силы, отвращали наше внимание от настоящих опасностей и срочных нужд республики, чтобы обратить его полностью на религиозные идеи; в то время как этими мерами старались политическую революцию подменить новой революцией, заменить ею общественный разум и энергию патриотов; в то время как одни и те же люди открыто нападали на все религиозные культы и тайно поддерживали фанатизм; в то время как без всякой пользы они оглашали всю Францию своими сумасбродными речами и осмеливались злоупотреблять именем Национального конвента для оправдания обдуманной экстравагантности аристократии, в это время враги

Франции торговались за новые порты. Ваши генералы ободряли напуганных федералистов; ваши уполномоченные интриговали среди чужеземных народов, чтобы увеличить число ваших врагов; вооружали против вас предрассудки всех наций; они противопоставляли власть религиозных воззрений естественному влиянию ваших моральных и политических принципов, а манифесты всех правительств объявляли вас перед всей вселенной народом безумцев и атеистов.

Национальный конвент должен вмешаться в борьбу между фанатизмом, который возрождают, и патриотизмом, который пытаются ввести в заблуждение, и объединить всех граждан принципами свободы, разума и справедливости; законодатели, любящие родину и обладающие смелостью {85} для ее защиты, не должны походить на тростник, без конца колеблемый дуновением иностранных фракций. Долг Комитета общественного спасения разоблачить эти фракции и предложить вам необходимые меры для того, чтобы подавить их. И этот долг он без сомнения выполнит. Пока же Комитет уполномочил меня представить вам проект адреса, целью которого является привести в замешательство подлых и бесстыдных тиранов, объединившихся в лигу против республики, и раскрыть перед глазами вселенной их отвратительное лицемерие.

В этой борьбе тирании против свободы у нас столько преимуществ, что было бы безумием с нашей стороны отказаться от них. И поскольку угнетатели человеческого рода имеют дерзость защищать свое дело перед ним, поспешим последовать за ними в этот грозный трибунал, чтобы ускорить неизбежный приговор, который их ждет.

Ответ Национального конвента на манифесты лиги монархов против республики

Ответит ли Национальный конвент на манифесты лиги тиранов против французской республики? Естественно пренебречь ими, но полезно помешать им и справедливо наказать их.

Манифест деспотизма против свободы! Что за странное явление! Как посмели они взять людей в арбитры между ними и нами? Как не побоялись они, что предмет этого опора может возбудить воспоминание об их преступлениях и ускорить их гибель?

В чем они обвиняют нас? В своих собственных преступлениях.

Они обвиняют нас в мятеже. Рабы, возмущившиеся против суверенитета народов, разве вы не знаете, что это богохульство может быть оправдано только победой. Но посмотрите на эшафот последнего из наших тиранов, посмотрите на французский народ, вооружившийся для того, чтобы покарать ему подобных; вот наш ответ.

Короли обвиняют французский народ в безнравственности! Народы, прислушайтесь внимательно к урокам этих почтенных наставников человеческого рода. Мораль королей, о боже праведный! И добродетель куртизанов! Народы, прославляйте чистосердечие Тиберия и простодушие Людовика XVI, любуйтесь здравым смыслом Клодиуса и мудростью Георга; восхваляйте воздержанность и справедливость Вильгельма и Леопольда; превозносите целомудрие Мессалины, супружескую верность Екатерины, скромность Антуанетты²; хвалите непобедимый ужас всех прошлых, настоящих и будущих деспотов к узурпациям и тирании, их нежное внимание к угнетенной невинности, их религиозное почтение к правам человечества.

Они обвиняют нас в отсутствии у нас религиозности; они пишут о нас, что мы объявили войну самому божеству. Как подозрительно благочестие тиранов! Как должны быть приятны небу добродетели, блещущие во дворах,

и благодеяния, которые они рассыпают на земле! О каком боге говорят они нам? Знают ли они других богов, кроме высокомерия, дебоша и всех пороков? Они говорят о себе, что они созданы по подобию божества! И для этого они заставляют вселенную покинуть его алтари? Они считают, что это бог создал их власть. Нет, бог создал тигров, а короли - это образцы человеческой коррупции. Они обращаются к небу для того, чтобы узурпировать землю; они говорят нам о божестве для того, чтобы занять его место. Они отсылают к нему мольбы бедняка и вздохи несчастных; сами они боги для богатых, притеснители и убийцы для народа. Почитать бога и карать королей - это одно и то же. И какой народ когда-нибудь больше почитал это великое существо, под покровительством которого мы провозгласили непреложные принципы всего человеческого общества, чем наш народ? Законы вечной справедливости были презрительно названы мечтаниями честнейших людей; мы превратили их в реальность. У морали писалось в книгах философов, мы же ввели ее в управление народами. Смертный приговор тиранам почил забытый в подавленных сердцах смиренных смертных; мы же привели его в исполнение. Мир принадлежал двум или трем расам тиранов, как пустыня Африка принадлежала тиграм и змеям; мы возвратили мир человеческому роду.

Народы, если у вас нет сил вернуть себе свои права, если вам не дано оценить права, которые мы вернули вам, по крайней мере, остерегайтесь нарушать наши права или клеветать на нашу храбрость. Французы вовсе не одержимы манией сделать счастливой и свободной какую-нибудь нацию против ее воли. Все монархи могли бы прозябать или умирать на своих окровавленных тронах, если бы они умели уважать независимость французского народа. Мы хотим только раскрыть вам их бесстыдные наветы.

Ваши повелители говорят вам, что французская нация запретила все религии, что она заменила культ божества культом нескольких людей; они

рисуют нас в ваших глазах идолопоклонниками или безумцами. Они врут. Французский народ и его представители уважают все религиозные культы и не запрещают ни один из них. Они почитают без пристрастия и без поклонения добродетель мучеников человечества; они ненавидят нетерпимость и преследование, под каким бы предлогом они ни скрывались, они проклинают экстравагантности ложной философии, так же как преступления фанатизма. Ваши тираны обвиняют нас в некоторых неправильных действиях, неизбежных при бурных движениях великой революции. Они приписывают нам последствия их собственных интриг и посягательства их эмиссаров. Все, что французская революция произвела разумного и величественного, является делом французского народа. Все, что носит {87} противоположный характер, принадлежит нашим врагам. Все разумные и благородные люди стоят на стороне республики. Все коварные и развращенные люди принадлежат к фракции ваших тиранов. Кто станет порочить светило, оживляющее природу, за то, что легкие облачка проскользнули по его сверкающему диску? Разве величественная свобода теряет свои божественные чары из-за того, что подлые эмиссары тирании стремятся осквернить ее? Наши и ваши несчастья - это преступления общих врагов человечества. Так надо ли вам из-за них ненавидеть нас? Нет, это значит, что их надо покарать!

Подлецы смеют доносить на основателей французской республики. Современные Тарквинии осмелились сказать, что римский сенат был собранием разбойников. Сами слуги Порсенны считали Сцеволу безумцем. Согласно манифестам Ксеркса, Аристид ограбил казну Греции. В то время как их руки были полны награбленного добра и обагрены кровью римлян, Октавиан, Антоний и Лепид приказывали всем римлянам считать их одних справедливыми и их одних добродетельными. Тиберий и Сежан³ считали Брута и Кассия кровавыми людьми и даже мошенниками.

Французы, люди всех стран вас оскорбляют, когда оскорбляют свободу в лице ваших представителей и ваших защитников; многих членов Конвента упрекали в слабости, других в преступлениях. Что общего имеет с этим французский народ! Что общего имеет с этими частными фактами национальное представительство? Оно лишь внушает силу слабым и налагает наказание на виновных. Все армии европейских тиранов отброшены, несмотря на измены, заговоры, внутренние раздоры, продолжавшиеся в течение пяти лет; рядом с эшафотом последнего тирана французов воздвигнуты эшафоты изменивших народу представителей его; среди бурь рукой представителей народа запечатлен на бессмертных скрижалях социальный договор французов; все люди равны перед законом; все крупные преступники боятся правосудия; невинность, не имеющая оплота, восхищена тем, что она, наконец, нашла убежище в трибуналах; несмотря на пороки рабов, несмотря на все коварство наших врагов, любовь к родине победила; энергичный и благоразумный, грозный и справедливый народ объединился по зову разума и научился узнавать своих врагов даже под маской патриотизма; французский народ спешит взяться за оружие для защиты благородного творения его храбрости и его ума; вот чем мы искупаем перед миром и наши ошибки, и преступления наших врагов!

Если это нужно, мы можем показать миру и другие наши дела. Наша кровь также лилась за родину. Национальный конвент может показать друзьям и недругам Франции почетные шрамы и раны, прославившие его членов.

Два знаменитых противника тирании пали здесь на глазах родины под вероломными ударами преступной клики⁴, там достойный их представитель народа, соревнующийся с ними в республиканской добродетели, попав в осажденный город, осмелился принять отважное решение - вместе с несколькими товарищами пробраться сквозь ряды врагов; он попал в руки

австрийских сателлитов и в долгих мучениях искупил свою беззаветную преданность свободе⁵. Другие представители проникали в мятежные районы юга, с трудом избегали ярости изменников, спасали французскую армию, преданную изменившими ей начальниками, и подвергали ужасу и бегству сателлитов тиранов Австрии, Испании и Пьемонта.

В этом мерзком городе, являющемся позором Франции, Бейль и Бове, осыпанные оскорблениями тирании, умерли за родину и ее святыне законы. У стен этого ненавистного города Гаспарен, направлявший на него в наказание артиллерийский огонь и воодушевлявший республиканскую доблесть наших воинов, пал жертвой своей храбрости и низкого коварства наших врагов.

Север и юг, Альпы и Пиренеи, Рона и Шельда, Рейн и Луара, Мозель и Самбра видели, как наши республиканские батальоны вставали по зову представителей народа под знамена свободы и победы: одни из них погибли, другие победили.

Весь Конвент шел навстречу смерти и не испугался ярости всех тиранов.

Знаменитые защитники ваших королей.- князья, министры, генералы, куртизаны,- назовите нам ваши гражданские добродетели; расскажите нам о важных услугах, оказанных вами отечеству; назовите нам, какими крепостями вы овладели силой ваших гиней; похвалитесь талантами ваших эмиссаров и быстротой, с какой ваши солдаты убегали от защитников республики; хвалитесь своим благородным презрением к правам людей и человечества, нашими пленниками, хладнокровно убитыми, нашими женщинами, изувеченными вашими янычарами, детьми, зарезанными на груди у их матерей, окровавленные члены которых разрывали зубами австрийские тигры; похвалитесь вашими подвигами в Америке, в Генуе, в Тулоне; хвалитесь больше всего вашим искусством отравлений и убийств: тираны, таковы ваши добродетели!..

Знаменитый парламент Великобритании, назовите нам ваших героев. У вас есть партия оппозиции.

У вас торжествует деспотизм, следовательно большинство у вас развращено. Наглый и подлый народ, твое мнимое представительство продается на твоих глазах и с твоего согласия; ты сам принимаешь их излюбленные правила: даже таланты твоих депутатов являются предметами индустрии, как шерсть твоих овец, как сталь твоих фабрик; и ты еще смеешь говорить о морали и о свободе! Какую странную привилегию - болтать без меры и стыда вздор - народы с дурацким терпением разрешают тиранам! Как! Эти мелкие люди, главная заслуга которых состоит в {89} знании цены британской совести, старающейся пересадить во Францию пороки и коррупцию их страны, которые ведут войну не с оружием в руках, а путем преступлений, и это они смеют обвинять Национальный конвент в коррупции и оскорблять добродетели французского народа.

Великодушный народ, мы клянемся тобой, что ты будешь отомщен; прежде чем нам навяжут войну, мы истребим всех наших врагов, скорее погибнет австрийский дом, чем Франция; Лондон станет свободным прежде, чем Париж снова станет рабом; судьбы республики и всей земли взвешены на весах вечности; тираны оказались самыми легкими.

Французы, забудем наши ссоры и пойдем на тиранов; укротите их своим оружием, а не законами. Пусть изменники трепещут, пусть исчезнет последний низкий эмиссар наших врагов, пусть восторжествует патриотизм и пусть успокоится невинный. Французы, боритесь; ваше дело святое, ваша храбрость непобедима; ваши представители умеют умирать, они могут сделать больше того - они умеют побеждать!

Из речи «О медлительности революционного трибунала»

Речь в Обществе друзей свободы и равенства 25 августа 1793 г

Необходимо объявить вечную борьбу агентам Питта и герцога Кобургского, разлагающих наши города и департаменты. С вершины Горы я бы дал народу сигнал и сказал бы ему: Вот твои враги, бей!

Я проследил за адвокатскими формами ведения дел, в которых запутался Революционный трибунал. Ему требуются целые месяцы, чтобы судить какого-нибудь Кюстина, убийцу французского народа! Противники тирании были бы уничтожены в двадцать четыре часа, если бы она могла возродиться хотя бы на это время. Свобода должна теперь употреблять те же средства; в ее руках меч мести, который должен, наконец, освободить народ от его самых ярых врагов; виновными будут те, кто даст народу успокоиться,

Недопустимо, чтобы Трибунал, учрежденный для движения революции вперед, своей преступной медлительностью заставлял ее двигаться назад. Трибунал должен быть столь же активным, как и само преступление, он должен действовать так же быстро, как быстро совершается преступление. Этот Трибунал должен состоять из десяти лиц, занятых только раскрытием преступления и применением наказания. Бесполезно собирать присяжных и судей, поскольку этому Трибуналу подсудно преступление одного лишь рода - государственная измена - и что за нее есть одно наказание - смерть. Смешно, когда люди заняты изысканием наказания, которое надо применить к такому преступлению, поскольку есть только одно наказание, применяемое *ipso facto* (*).

Комитет общественной безопасности во многом неправ, ему есть в чем упрекнуть себя; но и парижской полиции также есть в чем упрекнуть себя и ее так же следует реформировать, как и Комитет. Комитет общественной безопасности, как и Революционный трибунал, имеет пороки по своей форме

и по организации своей работы. Прежде всего он слишком многочислен, и одно это должно тормозить его операции. Помимо того, это обстоятельство мешает нам быть уверенными в патриотизме входящих в его состав членов.

Есть и другое неудобство, которое часто затрудняет движение дел. Комитет общественного спасения, уполномоченный разоблачать заговоры, какого бы характера они ни были, зачастую арестовывает лицо, которого Комитет общественной безопасности, имеющий приблизительно такие же функции, тоже разыскивает; в результате возникнет юридический конфликт, вредный для блага государства. Комитет общественной безопасности освобождает или оправдывает того, кого Комитет общественного спасения заключил в тюрьму и осудил, и это происходит потому, что оба Комитета судят не по одним и тем же документам и что один отменяет то, что является основой приговора для другого, а это оставляет дверь открытой для интриги.

Я резюмирую. Нужны: реформа Революционного трибунала и быстрая его реорганизация в новой форме. Он будет произносить приговор в определенный и всегда близкий срок виновным или освобождать невинных; создание нескольких революционных комитетов, которые будут одновременно судить за многие преступления, ежегодно совершаемые против свободы; общий надзор полиции; обновление Комитета общественной безопасности, в состав которого будет входить только десять человек с определенными функциями; проведение демаркационной линии между его функциями и функциями Комитета общественного спасения.

Речь в Конвенте 26 июля 1794 г. - 8 термидора II года республики,

(повторенная в тот же вечер в Обществе друзей свободы и равенства)

Граждане, пусть другие рисуют вам приятные для вас картины, я же хочу высказать вам полезные истины. Я не имею представления о нелепых страхах, распространяемых предательством, но я хочу погасить, если это возможно, факелы раздоров лишь силой правды. Я буду перед вами защищать вашу оскорбленную власть и попранную свободу. Я также защищу самого себя, вы не будете удивляться этому, вы совершенно не походите на тиранов, с которыми вы боретесь. Крики оскорбленной невинности не кажутся назойливыми для вашего слуха, и вы сознаете, что это дело вовсе не чуждо вам.

Революции, которые до нас изменяли лицо государств, имели целью только смену династии или переход власти от одного лица к нескольким лицам. Французская революция первая была основана на теории прав человечества и на принципах справедливости. Другие революции были вызваны лишь честолюбием; наша революция была внушена доблестью. Невежество и сила погружали другие революции в новый вид деспотизма; наша революция, обязанная своим происхождением справедливости, может покоиться только на ней. Республика, незаметно созданная силой вещей и борьбой друзей свободы против постоянно возрождающихся заговоров, проскользнула, так сказать, сквозь все клики; но она оказалась окруженной их организованной силой со всеми средствами влияния в их руках. С самого рождения республики ее не переставали преследовать в лице всех искренних людей, борющихся за нее. Чтобы сохранить преимущества своего положения, клики и их агенты вынуждены были прикрываться формой республики. Прессы в Лионе и Бриссо в Париже кричали: "Да здравствует республика!". Все заговорщики приняли с большей готовностью, чем другие,

все формулы, все лозунги патриотизма. Австриец, дело которого состояло в борьбе с революцией; Орлеан, который играл роль патриота, оказались на одной и той же линии, - и того и другого трудно было отличить от республиканца. Они не боролись с нашими принципами, они извращали их; они не проклинали нашу революцию, они пытались опозорить ее под предлогом служения ей. Они произносили громовые речи против тиранов и плели заговоры во имя тиранов; они восхваляли республику и клеветали на республиканцев. Друзья свободы стремились свергнуть власть тиранов силой правды; тираны стремились уничтожить защитников свободы клеветой; они называли тиранией самый авторитет принципов правды. Если бы эта система смогла одержать верх, свобода погибла бы; законно только предательство и преступна только доблесть; ведь по самой природе вещей везде, где существует объединение людей, влиянием пользуется или тирания, или разум. Там, где разум упраздняется как преступление, царит тирания; если добрые граждане обрекли себя на молчание, господствуют злодеи.

Теперь я должен излить свое сердце; вы тоже должны выслушать правду. Не думайте, что я пришел сюда, чтобы предъявить какое-либо обвинение; меня занимает более важная забота, и я не беру на себя обязанностей других. Существует столько непосредственно угрожающих опасностей, что этот вопрос имеет лишь второстепенное значение. Я пришел рассеять, если это возможно, жестокие ошибки; я пришел потушить ужасное пламя раздоров, которыми хотят зажечь этот храм свободы и всю республику; я хочу раскрыть злоупотребления, которые могут разрушить родину и которые только ваша честность может пресечь. Если я вам скажу также кое-что о преследованиях, объектом которых я являюсь, вы не сочтете это за преступление; у вас нет ничего общего с тиранами, преследующими меня; крики угнетенной невинности не чужды вашим сердцам; вы не презираете справедливость и гуманность, и вы знаете, что эти козни касаются вашего дела и дела родины.

На чем же основана эта гнусная система террора и клеветы? Кому мы должны быть страшны - друзьям или недругам республики? Кому надлежит бояться нас - тиранам и мошенникам или же честным гражданам и патриотам? Мы страшны патриотам! Мы, кто вырвали их из рук всех клик, составлявших против них заговоры! Мы, кто отстаиваем их каждый день, так сказать, у лицемерных интриганов, осмеливающихся еще оскорблять их! Мы, кто преследуем злодеев, стремящихся продлить их несчастья, запутывая нас ложью! Мы страшны Национальному конвенту? А кто мы без него? И кто защищал Национальный конвент с риском для своей жизни? Кто посвятил себя его сохранению тогда, когда мерзкие клики перед лицом Франции строили заговор для уничтожения его? [стр.206] Кто посвятил себя его славе, когда низкие приспешники тирании проповедовали от его имени атеизм и безнравственность, когда другие хранили преступное молчание о преступлениях их сообщников и, казалось, ждали сигнала к резне, чтобы искупаться в крови представителей народа, когда сама добродетель умолкла, ужаснувшись страшного влияния, которое приобрело дерзкое преступление? А кому были предназначены первые удары заговорщиков? Против кого строил козни Симон(236) в Люксембурге? Кто были жертвами, на которые указывали Шометт и Ронсен? Куда, прежде всего, должны были направиться убийцы, раскрывая тюрьмы? Кто были объектами клеветы и покушений вооруженных против республики тиранов? Разве нет ни одного кинжала для нас в грузах, посылаемых Англией своим сообщникам во Франции и в Париже? Нас убивают и нас же рисуют внушающими страх! Каковы же суровые деяния, в которых нас упрекают? Кто их жертвы? Эбер, Ронсен, Шабо, Дантон, Лакруа, Фабр д'Эглантин и несколько других их сообщников. Нас упрекают в наказании этих людей? Никто не осмелится защищать их. Но если мы разоблачили чудовища, смерть которых спасла Национальный конвент и республику, кто может бояться наших принципов, кто заранее может обвинить нас в несправедливости и тирании, если не те, кто похож на

них. Нет, мы не были слишком суровы. Я удостоверяю в этом республику, которая свободно вздохнула! Я удостоверяю в том национальное представительство, окруженное уважением, которого заслуживает представительство великого народа! Я удостоверяю в том еще стонущих в тюрьмах патриотов, которых злодеи отправили туда! Об этом свидетельствуют новые преступления врагов нашей свободы и преступное упорство тиранов, объединившихся против нас! Говорят о нашей суровости, а родина упрекает нас в слабости.

Разве это мы бросили в тюрьмы патриотов и внесли ужас в сердца людей всех состояний? Это сделали чудовища, которых мы обвинили. Разве это мы, забыв преступления аристократии и покровительствуя изменникам, объявили войну мирным гражданам, возвели в преступление какие-то неисправимые предрассудки, либо не имеющие значения вещи для того, чтобы повсюду находить виновных и устрашать народ революцией? Это сделали чудовища, которых мы обвинили. Мы ли, отыскав высказывавшиеся когда-то мнения, плод навязчивых идей изменников, подняли меч над большей частью Национального конвента; могли ли бы мы требовать в народных обществах шестисот голов представителей народа? Это могли сделать чудовища, которых мы обвинили. Уже забыли, что это мы бросились между ними и их вероломными противниками, в то время когда... (пробел).

Вы знаете, что сделали ваши враги. Они атаковали весь Национальный конвент, но этот план провалился. Они атаковали Комитет общественного спасения, но этот план провалился. С некоторых пор они объявляют войну известному числу членов Комитета общественного спасения; они как будто намерены подавить только одного человека; они всегда двигаются к одной цели. То, что европейские тираны осмеливаются уничтожить представителя народа, это, несомненно, чрезвычайная наглость; но, чтобы французы, называющие себя республиканцами, старались выполнить смертный

приговор, произнесенный тиранами, это чрезвычайный скандал и позор! Верно ли, что распространяли гнусные списки, в которых названы жертвами несколько членов Конвента и которые будто бы были делом рук Комитета общественного спасения, а затем и моих рук? Верно ли, что посмели предположить, будто бы имели место заседания Комитета и приняты суровые постановления, которых никогда не было, будто бы были произведены не менее химерические аресты? Верно ли, что стремились убедить некоторое число безупречных представителей, что их гибель решена? Убедить всех, кто по какой-то ошибке заплатил неизбежную дань роковому стечению обстоятельств и человеческой слабости, будто они обречены на судьбу заговорщиков? Верно ли, что ложь была распространена с таким искусством и такой наглостью, что многие члены Конвента не решались более ночевать у себя дома? Да, факты упорны и доказательства этих двух маневров находятся в Комитете общественного спасения. Вы, депутаты, вернувшиеся из миссии в департаментах, могли бы нам восстановить еще много фактов! Вы, заместители, призванные выполнять функции представителей народа, вы могли бы нам рассказать, что сделала интрига для того, чтобы обмануть вас, раздражить вас и втянуть вас в пагубную коалицию. Что говорили, что делали в этих подозрительных кружках, на этих ночных сборищах, на этих обедах, на которых предательство подносило гостям яд ненависти и клеветы? Чего они добивались, творцы этих махинаций? Спасения родины, достоинства и единства Национального конвента? Кто они такие? Какие факты подтверждают ужасное представление, какое хотели дать о нас? Какие люди были обвинены Комитетами, кроме Шометтов, Эберов, Дантонов, Шабо, Лакруа? Не хотят ли защитить память "заговорщиков? Не хотят ли отомстить за смерть заговорщиков? Если нас обвиняют в том, что мы разоблачили несколько предателей, пусть обвиняют Конвент, который подверг их обвинению; пусть обвиняют правосудие, поразившее их; пусть обвиняют

народ, приветствовавший их наказание! Кто покушается на национальное представительство, тот ли, кто преследует его врагов, или тот, кто покровительствует им? И с каких это пор наказание преступления устрашает добродетель?

Однако такова основа проектов о диктатуре и покушений на национальное представительство, которые вначале приписывали Комитету общественного спасения в целом. По какому роковому стечению обстоятельств это огромное обвинение было вдруг перенесено на голову одного из его членов? Станным был бы план человека обязать Национальный конвент [стр.208] убить своими руками каждого своего члена в отдельности, для того, чтобы очистить ему дорогу к абсолютной власти! Пусть другие отметят нелепую сторону этих обвинений, я же вижу в них только злодеяние. Чудовища, вы дадите отчет общественному мнению в том, что вы с такой ужасной настойчивостью осуществляете мысль перерезать всех друзей родины, вы стремитесь похитить у меня уважение Национального конвента, самую славную награду трудов смертного, которое я не узурпировал, не получил обманом, но которое я вынужден был завоевать! Казаться предметом ужаса в глазах тех, кого уважаешь и кого любишь, - это, для человека чувствительного и честного, самая ужасная пытка! Заставить его переносить эту пытку - самое большое преступление! Но я призываю все ваше негодование против этих злодейских маневров, употребляемых для поддержки сумасбродных наветов.

Повсюду, с целью распространить систему страха и клеветы, повысилось число случаев притеснения граждан, порочные агенты производили множество несправедливых арестов; составлялись финансовые планы, угрожающие разорением скромных состояний, внушалось отчаяние бесчисленному множеству семей, привязанных к революции. Дворян и

священников устрашали внесением заранее согласованных предложений, были приостановлены платежи кредиторам государства и государственным служащим; у Комитета общественного спасения вырвали постановление о возобновлении иска к членам коммуны 10 августа под предлогом неправильностей в представленных ими счетах. В самом Конвенте утверждали, что Горе угрожает опасность, потому что некоторые члены, сидящие в этой части зала, считали себя в опасности; для того, чтобы заинтересовать этим весь Конвент, вдруг возобновили дело семидесяти двух задержанных депутатов и приписали мне все эти события, к которым я совершенно не был причастен. Говорили, что я хотел принести в жертву Гору; говорили, что я хотел погубить другую часть Национального конвента; здесь меня изображали преследователем семидесяти двух задержанных депутатов, там меня обвиняли в том, что я их защищаю; говорили, что я поддерживаю Болото... Это выражение моих клеветников. Следует отметить, что наиболее сильным аргументом, употребляемым эбертистской фракцией для доказательства того, что я умеренный, была моя оппозиция изгнанию из Национального конвента большей части его членов и, в частности, мое мнение относительно предложения о привлечении к суду семидесяти двух заключенных без предварительного доклада.

Конечно, когда, рискуя оскорбить общественное мнение, посчитавшись только со священными интересами родины, я один удерживал от поспешного решения тех, мнение которых, если бы они восторжествовали, привело бы меня на эшафот; когда в других случаях, я подверг себя всей ярости лицемерной клики, потребовав строгой справедливости по отношению к лицам, судившим меня с большей поспешностью, я, несомненно, был далек от мысли, что мне поставят на вид подобное поведение. Я бы слишком плохо думал о стране, где это было бы возможно и где давались бы помпезные названия самым необходимым для честного человека обязанностям. Но я был еще более далек от мысли, что когда-нибудь меня назовут палачом тех, в

отношении которых я выполнял эти обязанности, и врагом национального представительства, которому я преданно служил. Я еще меньше ожидал, что меня одновременно обвинят в том, что я хочу защитить его и что я хочу уничтожить его! Что бы там ни было, ничто никогда не сможет изменить ни мои чувства, ни мои принципы. В отношении заключенных, я должен заявить, что я не принимал никакого участия в касающемся их декрете и нахожу его очень необычным в данных обстоятельствах, и что с тех пор, как я сделал для них все, что мне диктовала моя совесть, я ими никоим образом не занимался. В отношении других я чистосердечно высказался о некоторых из них; считаю, что я выполнил мой долг. Остальное - это сплетение ужасной лжи.

Что касается Национального конвента, то мой первый долг, как и моя первая склонность, - это безграничное уважение к нему. Не желая оправдывать преступление, не желая доказывать невиновность некоторых лиц в их пагубных ошибках, не желая, чтобы слава энергичных защитников свободы потускнела, не желая ослабить иллюзию священного имени в анналах революции, я говорю, что все представители народа, у кого сердце чистое, должны снова вернуть себе доверие и достоинство, которое им соответствует. Я знаю только две партии - добрых и злых граждан; патриотизм это не дело партии, а дело сердца; он состоит не в дерзости, не в мимолетном порыве, не уважающем ни принципы, ни здравый смысл, ни мораль, в еще меньшей степени он состоит в преданности интересам какой-либо клики. Мое сердце иссушено испытанием стольких измен, что я считаю необходимым призвать на помощь республике главным образом честность и благородные чувства. Я считаю, что повсюду, где мы встречаем честного человека, на каком бы месте он ни сидел, ему надо протянуть руку и прижать его к своему сердцу. Я думаю о роковых обстоятельствах революции, ничего общего не имеющих с преступными замыслами; я думаю о гнусном влиянии интриги и главным образом о зловещей власти клеветы. Я вижу, что мир

населен одураченными людьми и мошенниками; но число мошенников самое малое, их-то и надо наказывать за преступления и несчастья мира. Я вовсе не вменяю преступления Бриссо и Жиронды людям искренним, которых они когда-то обманули; я вовсе не вменяю тем, кто верил в Дантона, преступления этого заговорщика; я вовсе не вменяю преступления Эбера гражданам, искренний патриотизм которых иногда увлекал их за пределы разума. Заговорщики не были бы заговорщиками, если бы они не обладали искусством [стр.210] достаточно умело скрывать себя для того, чтоб на некоторое время захватить доверие порядочных людей; но существуют явные признаки, по которым можно различить обманутых людей от сообщников заговора и ошибку от преступления. Кто же сделает это различие? Здравый смысл и справедливость. Как необходимы в человеческих делах здравый смысл и справедливость! Развращенные люди называют нас кровожадными людьми, потому что мы воевали с притеснителями мира. Мы были бы, следовательно, гуманными, если бы присоединились к их кощунственной лиге для того; чтобы перерезать народ и погубить родину.

Впрочем, если есть привилегированные заговорщики, если есть неприкосновенные враги республики, я согласен предписать себе вечное молчание на их счет. Я выполнил свою задачу... Я не беру на себя выполнение обязанностей других; в этот момент меня волнует более неотложная забота: речь идет о спасении общественной морали и принципов, охраняющих свободу; речь идет о том, чтобы вырвать из угнетения всех благородных друзей отечества.

Это их обвиняют в покушении на национальное представительство! И где им искать другой поддержки? Поборов всех ваших врагов, обрекая себя за защиту вашего существования и вашего достоинства на ярость всех клик - где искали бы они убежища, если бы они не нашли его среди вас?

Говорят, что они домогаются высшей власти, но они уже осуществляют ее... Разве Национальный конвент не существует больше! Разве французский народ уничтожен! Глупые клеветники, заметили ли вы, что ваши нелепые речи не являются оскорблением для отдельного лица, но оскорблением непобедимой нации, которая покоряет и наказывает королей? Что касается меня, то я питал бы крайнее отвращение к защите себя перед вами против самой подлой тирании, если бы вы не были убеждены, что являетесь действительными объектами нападков всех врагов республики. Кто я такой, чтобы заслужить их преследования, если они не входят в общую систему заговора против Национального конвента? Но обратили ли вы внимания на то, что для изоляции вас от народа, они заявили перед лицом вселенной, что вы были диктаторами, правящими путем террора, и что по молчаливому желанию французов вы были дезавуированы? Не называли ли наши армии полчищами Конвента, а французскую революцию якобинизмом? И если они притворяются, что придают слабому индивидууму, подвергнувшемуся оскорблениям всех клик, гигантское и нелепое значение, какой же может быть в этом их цель, если не разъединить вас, уничтожить вас, отрицая само ваше существование, подобно безбожию, отрицающему существование божества, которого оно страшится?

Между тем слово диктатура имеет магические последствия: оно клеймит свободу, принижает правительство, оно разрушает республику, [стр.211] позорит все революционные учреждения, представляя их работой одного человека, оно делает одиозным национальное правосудие, представляя его удовлетворением честолюбия одного человека, оно направляет в одну точку всякую ненависть, все кинжалы фанатизма и аристократии.

Какое ужасное употребление сделали враги республики из одного лишь названия римской магистратуры! И если их эрудиция является столь роковой

для нас, то что же станет с их богатством и их интригами! Я уже не говорю об их армиях, но да позволено мне будет отослать герцогу Йоркскому и всем королевским писателям дипломы этого нелепого звания, которые они первые направили мне. У королей, не уверенных в сохранении своих корон, слишком много дерзости, чтобы присвоить себе право раздавать их другим! Я понимаю, что какой-нибудь смешной принц из рода подлых и проклятых животных, которых еще называют королями, что они могут находить удовольствие в своей низости и уважать себя в своем бесчестии; я понимаю, что сын Георга, например, может сожалеть о французском скипетре, к которому, как подозревают, он страстно стремился, и я искренне жалею этого современного Тантала.

Я признаюсь даже, к стыду не моей родины, а к стыду предателей, которых она покарала, что я видел уполномоченных народа, готовых заменить это славное звание на звание лакея Георга или Орлеана... Но чтобы представитель народа, сознающий, какое святое звание он носит, чтобы французский гражданин, достойный этого имени, мог унизиться до такой степени, дойти до такого гражданского падения, чтобы возыметь преступное и даже нелепое желание опуститься до подлостей, свойственных трону, - это было бы правдоподобно только в отношении тех развращенных существ, которые не имеют даже права верить в добродетель. Что я говорю, добродетель! Добродетель - это естественная страсть, но как могут знать ее эти продажные души, открывающиеся всегда только подлым и жестоким страстям, эти жалкие интриганы, никогда не связывающие патриотизм с какой-либо моральной идеей, шествующие в революции за какой-нибудь важной и честолюбивой персоной, за каким-то презренным принцем, как когда-то наши лакеи шли за своими господами. Но она существует, уверяю вас, чувствительные и чистые души! Она существует. Эта нежная, властная, непреодолимая страсть, мучение и наслаждение благородных сердец! Глубокое отвращение к тирании, ревностное сочувствие к угнетенным, эта

святая любовь к отечеству, эта самая возвышенная и святая любовь к человечеству, без которой великая революция это явное преступление, разрушающее другое преступление; оно существует это благородное честолюбивое желание основать на земле первую в мире республику! Этот эгоизм не эгоизм опустившихся людей, он находит небесное наслаждение в спокойствии чистой совести и в чарующем зрелище общественного блага! Вы чувствуете его сейчас, он горит в ваших душах, я чувствую его в моей душе. Но как могут ваши низкие клеветники [стр.212] догадаться о нем? Как может слепорожденный иметь представление о свете? Природа лишила их души - они имеют некоторое право сомневаться не только в бессмертии души, но и в ее существовании.

Они называют меня тираном... Если бы я был им, они бы ползали у моих ног, я бы осыпал их золотом, я бы обеспечил им право совершать всяческие преступления и они были бы благодарны мне! Если бы я был им, то монархи, которых мы победили, не только не доносили бы на меня (какой нежный интерес проявляют они к нашей свободе!), а предлагали бы мне свою преступную поддержку; я вступил бы с ними в сделку. Чего они ждут в своем бедственном положении, если не помощи от покровительствуемой ими клики, продающей им славу и свободу нашей страны? К тирании приходят с помощью мошенников, к чему приходят те, кто борется с ними? К могиле и к бессмертию. Кто тот тиран, который покровительствует мне? К какой клике я принадлежу? Это вы сами. Какая клика с начала революции сразила клики, уничтожила столько известных предателей? Это вы, это народ, это принципы. Вот та клика, которой я посвятил себя и против которой объединились все преступления

Преследуют вас, родину и всех друзей родины. Я еще защищаюсь, а сколько других были угнетены во тьме! Кто осмелится когда-нибудь служить отечеству, если я еще вынужден здесь отвечать на такие наветы! Они

называют доказательством честолюбивого замысла последствия самой естественной гражданской доблести и свободы; моральное влияние старых бойцов революции уподобляется ими теперь тирании. Вы самые подлые из всех тиранов, вы, кто клеветает на мощь истины! Чего вы домогаетесь, вы хотите, чтобы истина в устах представителей французского народа не имела силы? Истина, несомненно, имеет свою силу, свой гнев, свой деспотизм; ее звуки, трогательные и ужасные, с силой раздаются в чистых сердцах и в преступных умах, и лжи более не дано, как Салмонею(238), подражать грому неба; но в этом обвиняйте природу, обвиняйте народ, который чувствует и любит истину. На земле существуют две силы - сила разума и сила тирании; везде, где господствует одна, другая изгнана; те, кто объявляют преступлением моральную силу разума, стремятся призвать тиранию. Если вы не хотите, чтобы защитники принципов получили какое-нибудь влияние в этой трудной борьбе свободы против интриги, вы, значит, хотите, чтобы победа осталась за интригой! Если представители народа, защищающие его дело, не могут безнаказанно добиться уважения, то не станут ли последствиями этой системы невозможность более служить народу, уничтожение республики и восстановление тирании? И не самая ли отвратительная тирания та, которая карает народ в лице его защитников! Ибо разве не дружба является самой свободной вещью в мире, даже при господстве деспотизма? Но вы кто вменяет нам в преступление дружбу, вы завидуете нам? Нет, вы цените только золото и тленные блага, которые тираны расточают тем, кто им служит. Вы служите им, вы, кто развращает общественную мораль и покровительствует всем преступлениям!

Гарантия успеха заговорщиков в забвении принципов и в коррупции; гарантия успеха защитников свободы полностью в общественной совести. Вы служите тиранам, вы, кто находится всегда по ту или другую сторону правды, вы проповедуете поочередно то предательскую умеренность аристократии, то ярость лжедемократов! Вы служите им, упорные

проповедники атеизма и порока! Вы хотите уничтожить представительство, вы, кто унижает его своим поведением или кто тревожит его своими интригами! Кто более виновен, тот ли, кто покушается силой на его безопасность, или тот, кто покушается путем соблазна и коварства на его справедливость? Обмануть его это значит изменить ему; толкать его на поступки, противоречащие его намерениям и его принципам, - это значит стремиться разрушать его, ибо его сила основана на самой добродетели и на доверии нации. Мы любим национальное представительство, мы боролись за его физическую безопасность, а теперь защищаем его славу и его принципы! Это так идут к деспотизму? Но какая жестокая насмешка выставлять деспотами граждан, которых всегда старались уничтожить! И кем иными являются те, кто постоянно защищал интересы своей страны? Республика торжествовала, а защитники никогда. Кто я такой, кого обвиняют? Раб свободы, живой мученик республики, жертва и враг преступления. Все мошенники оскорбляют меня; самые безразличные, самые законные поступки со стороны других являются преступлением для меня; как только человек знакомится со мной, на него клеветают, а другим прощают их проступки; мне вменяют в преступление мое рвение. Лишите меня моей совести, и я буду самым несчастным из всех людей; я не пользуюсь даже правами гражданина. Что я говорю! Мне даже не позволено выполнять обязанности представителя народа.

Здесь я должен высказать правду и раскрыть настоящие язвы республики. Общественные дела принимают коварный и тревожный оборот; система, составленная Эберами и Фабр д'Эглантинами, осуществляется теперь с неслыханной дерзостью; контрреволюционерам покровительствуют, тем, кто бесчестит революцию эбертизмом, покровительствуют открыто, другим более скрытно; патриотизм и честность уничтожаются и теми и другими; хотят уничтожить революционное правительство для того, чтобы принести родину в жертву злодеям, которые разрывают ее и идут к этой

гносной цели двумя разными путями. Здесь открыто клеветают на революционные учреждения, там их стараются сделать одиозными посредством крайностей; терзают людей ничтожных или мирных; ежедневно бросают патриотов в тюрьму и всей своей силой благоприятствуют аристократии - и это называют снисходительностью, гуманностью. И это революционное правительство, которое мы учредили и защитили? Нет, [стр.214] революционное правительство означает быстрое и верное осуществление правосудия; это удар рукой свободы против преступления; это не деспотизм мошенников и аристократии; это не независимость преступления перед лицом всех божеских и человеческих законов. Без революционного правительства республика не может утвердиться, клики задушат ее в ее колыбели; но если правительство попадет в предательские руки, оно само станет орудием контрреволюции. Итак, стремятся извратить его для того, чтобы его разрушить; те, кто клеветают на него, и те, кто позорят его притеснениями, - это одни и те же люди.

Я не стану раскрывать все причины этих злоупотреблений, но я укажу вам на одну из них и этого будет достаточно, чтобы объяснить все пагубные последствия ее. Эта причина состоит в чрезвычайной развращенности низших агентов уважаемой власти, установленной среди вас. В этом Комитете есть люди, гражданские доблести которых невозможно не любить и не уважать; это еще одна причина уничтожить злоупотребление, которое было совершено без их ведома и с которым они первые будут бороться. Напрасно пагубная политика рассчитывает окружить агентов, о которых я говорю, каким-то суеверным престижем; я не умею уважать мошенников и еще менее согласен с королевским изречением о том, что их полезно использовать; оружие свободы должно находиться только в чистых руках: очистим национальную бдительность вместо того, чтобы наполнить ее пороками. Истина является опасностью только для развращенных правительств, она поддержка для нашего правительства. Что касается меня,

то я дрожу при мысли, что враги революции, что прежние проповедники роялизма, что бывшие дворяне, быть может эмигранты, вдруг сделались революционерами и превратились в чиновников Комитета общественной безопасности с тем, чтобы отомстить друзьям родины за рождение республики и за ее успехи. Было бы весьма странно, если бы мы были настолько добры, что оплачивали бы шпионов Лондона и Вены за их помощь в работе республиканской полиции. Итак, я не сомневаюсь в том, что такой случай может повториться. Возможно, что такие люди приписывают себе звание патриотов, арестовывая определенных аристократов. Какое значение имеет для иностранцев, если они пожертвуют несколькими французами, виновными перед своей родиной, только бы им удалось принести в жертву патриотов и разрушить республику.

К этим веским мотивам, заставившим меня решиться разоблачить этих людей, хотя и напрасно, я прибавляю еще один мотив, относящийся к козням, которые я начал раскрывать. Нам известно, что они подкуплены врагами революции с целью обесчестить революционное правительство и оклеветать представителей народа с тем, чтобы по приказу тиранов погубить их. Например, когда жертвы их вероломства жалуются, они извиняются, говоря им: Этого хочет Робеспьер, мы не можем не делать этого.

Подлые последователи Эбера говорили таким же языком в те времена, когда я их разоблачал; они называли себя моими друзьями; затем они объявили меня убежденным модерантистом. Это новый род контрреволюционеров. преследующих патриотизм. До каких же пор честь сограждан и достоинство Национального конвента будут отданы на милость этих людей? Но та черта, которую я только что назвал, является лишь ветвью системы преследования, объектом которого я являюсь. Развивая обвинение в диктатуре, поставленное в порядок дня тиранами, стали взваливать на меня

все несправедливости, всякую вину судьбы или всякого рода строгости, требуемые спасением родины. Дворянам говорили: Это только он один изгнал вас; в то же самое время патриотам говорили: Он хочет спасти дворян; священникам говорили: Только он один преследует вас; без него вы жили бы мирно, вы торжествовали бы; фанатикам говорили: Это он разрушает религию; преследуемым патриотам говорили: Это он приказал, или он не хочет помешать этому. Все жалобы, причины которых я не могу приостановить, отсылают ко мне, говоря: Ваша судьба зависит от него одного. Люди, укрывшиеся в общественных местах, распространяли ежедневно эту систему; они бывали на заседаниях Революционного трибунала. в тех местах, где враги родины искупали совершенные ими преступления; они говорили: Вот несчастные осужденные, кто в этом виноват? Робеспьер. В частности, начали доказывать, что Революционный трибунал - это кровавый трибунал, созданный только мною, и что я полностью овладел правом убивать всех порядочных людей и даже всех мошенников, ибо хотели создать мне врагов всякого рода. Этот крик раздавался во всех тюрьмах; этот план проскрипции выполнялся одновременно во всех департаментах эмиссарами тирании.

Но это еще не все; в последнее время предложили финансовые планы, которые показались мне рассчитанными на то, чтобы привести в отчаяние малосостоятельных людей и чтобы умножить число недовольных. Я напрасно призывал к этому предмету внимание Комитета общественного спасения; и что же! можно ли поверить, что распустили слух, будто эти планы были моим делом и для поддержания этого слуха придумали говорить, что в Комитете общественного спасения существует финансовая комиссия и что я был ее председателем? Но так как меня хотели погубить в особенности во мнении Национального конвента, то стали утверждать, будто я один осмелился поверить, что в Конвенте находятся несколько недостойных его человек. Каждому депутату, возвращающемуся из миссии в департаментах,

говорили, что один я спровоцировал их вызов. Я был обвинен вполне официальными лицами, которым сообщили о всем хорошем и о всем плохом, что было сделано. Моим коллегам точно передавали и то, что я сказал, и, главное, то, чего я не сказал. Старались устранить от себя подозрение в способствовании какому-нибудь действию, которое могло [стр.216] кому-нибудь не понравиться; все делал я, все требовал я, все приказывал я, нельзя ведь забыть мой титул диктатора. Когда подготовили эту бурю ненависти, мести, страха раздраженного самолюбия, решили, что настало время действовать.

Те, кто считали, что у них есть причины бояться меня, - открыто похвалялись, что моя несомненная гибель обеспечит им благо и торжество; в то время как английские и немецкие газеты заявляли о моем аресте, распространители газетных слухов кричали о нем в Париже. Мои коллеги, перед которыми я говорю, знают остальное много лучше, чем я. Они знают о всех сделанных перед ними попытках подготовить успех романа, являющегося новым изданием романа Луве; многие могут рассказать о непредвиденных визитах, нанесенных им для того, чтобы склонить их к уничтожению меня. Наконец, утверждают, что были предупреждены, главным образом в Национальном конвенте, о том, что против меня будет внесен обвинительный акт. Допрашивали по этому вопросу членов Национального конвента, но все доказывает, что его честность заставила клеветником оставить или по крайней мере отсрочить их преступление. Но кто они, эти клеветники? Прежде всего я могу на это ответить, что в одном королевском манифесте, найденном в бумагах известного заговорщика, уже понесшего наказание за свои преступления, приводится текст, который является текстом возобновленной в данный момент клеветы. Мы в нем читаем буквально следующее заключение, адресованное всякого рода врагам общества: Если бы этот коварный демагог прекратил свое существование, если бы он заплатил головой за свои честолюбивые маневры, нация стала бы

свободной, каждый мог бы опубликовать свои мысли, Париж никогда бы не видел у себя такого множества убийств, известных обычно под ложным названием приговоров Революционного трибунала. Я могу добавить, что этот отрывок является заключением воззваний, сделанных объединенными государями и иностранными газетами, купленными монархами, которые таким путем каждый день как бы дают лозунг всем заговорщикам внутри страны. Я не стану цитировать ничего другого, кроме этого отрывка, принадлежащего одному из самых известных писателей этого рода.

Я могу, следовательно, ответить, что авторами этого плана клеветы являются прежде всего герцог Йоркский, г. Питт и все тираны, вооружившиеся против нас. А затем кто?.. О! Я не смею назвать их в этот момент и в этом месте; я не могу решиться разорвать завесу, покрывающую эту глубокую тайну несправедливости. Но я могу положительно утверждать, что среди виновников этих козней есть агенты системы коррупции и сумасбродства, самого сильного средства, придуманного иностранцами, чтобы погубить республику, есть безбожные апостолы атеизма и безнравственности, базой которых является эта система. Весьма примечательным обстоятельством является ваш декрет...(18 флореаля), который укрепил расшатанные основы общественной морали и был сигналом к крайней ярости врагов республики; с этого времени начались убийства и новые наветы, более преступные, чем убийства; тираны чувствовали, что им надо исправить свое решительное поражение; торжественное объявление ваших истинных принципов в один день разрушило плоды многих лет интриг. Тираны торжествовали, французский народ оказался между голодом и атеизмом, еще более ужасным, чем голод. Народ мог снести голод, но не преступление, народ умеет всем пожертвовать, за исключением своих добродетелей. Тирания еще не нанесла оскорбление человеческой природе, не превратила мораль в позор и долг в развращенность. Самые подлые заговорщики сохранили за французским народом мораль в его славе и в его

мощи. Тирания требовала от людей только их состояния и их жизни; а заговорщики требовали от нас даже нашу совесть; одной рукой они предъявляли нам все беды, а другой - они лишали нас надежды. Атеизм, сопровождаемый всеми преступлениями, одел народ в траур и вселил в него отчаяние, а на национальное представительство бросил подозрение, презрение и позор. Справедливое негодование, подавляемое страхом, волновало все сердца; ужасное, неизбежное извержение клокотало внутри вулкана, тогда как мелкие философы играли с злодеями на его вершине.

Положение республики было таково, что если бы народ согласился терпеть тиранию, или если бы он с силой сбросил ее иго, свобода все равно погибла бы, ибо, сопротивляясь, народ смертельно ранил бы республику, а своим терпением он был бы недостоин ее. Из всех чудес нашей революции потомство едва ли сможет сохранить то чудо, благодаря которому нам удалось уберечься от этой опасности. Да будет вам бессмертная слава. Вы спасли отечество; ваш декрет...(*) сам по себе является революцией; одним ударом вы поразили атеизм и священнический деспотизм, вы опередили на полвека роковой час тиранов; вы привязали к делу революции все чистые и благородные сердца; вы показали его миру во всем блеске его небесной красоты. О, навсегда счастливый день, когда французский народ выразит творцу природы единственную, достойную его признательность! Какое трогательное собрание всех предметов, которые могут восхитить взгляд и сердце людей! О, почтенная старость! О, великодушное рвение детей родины! О, наивная и чистая радость юных граждан! О, слезы радости растроганных матерей! О, божественные чары невинности и красоты! О, величие великого народа, счастливого одним лишь сознанием своей силы, своей славы и своей доблести! Существо из существ! В тот день, когда вселенная вышла из твоих всемогущих рук, сверкала ли она перед твоими глазами более приятным светом, чем в этот день, когда, разбив иго [стр.218]

преступления и заблуждения, она явилась перед тобой достойной твоего взора и своей судьбы?

Этот день произвел на Францию глубокое впечатление спокойствия, счастья, мудрости и доброты. При виде этого прекрасного собрания первого в мире народа, кто мог бы поверить, что на земле еще существует преступление? Но когда народ, в присутствии которого все пороки исчезают, вернулся к своим домашним очагам, снова появились интриганы, и шарлатаны начали играть свою роль. Начиная с этого времени они стали с новой дерзостью действовать и стремиться наказать тех, кто расстроил самые опасные заговоры. Можно ли поверить, что среди общего ликования на трогательные крики одобрения народа отвечали выражением ярости? Можно ли поверить, что, когда председатель Национального конвента говорил с собравшимся народом, он был оскорблен людьми и что ими были представители народа? Одна эта черта объясняет все то, что произошло с тех пор. Первой попыткой недоброжелателей было их стремление унижить великие принципы, провозглашенные вами, и изгладить воспоминание о трогательном национальном празднике - такова была цель характера и торжественности, которую придали тому, что назвали делом Катерины Тео(240). Недоброжелательство сумело извлечь выгоду из политического заговора, укрывшегося под именами нескольких безумных набожных женщин, и вниманию общества представили лишь мистический фарс и неисчерпаемый предмет непристойных или глупых сарказмов. Истинные заговорщики ускользнули, а по всему Парижу и по всей Франции прозвучало имя божьей матери. Тотчас появилось множество отвратительных памфлетов, достойных "Пер Дюшена", целью которых было унижить Национальный конвент, Революционный трибунал, возобновить религиозные ссоры, начать жестокое и неполитичное преследование слабых или легковверных умов, полных какого-то смутного суеверия. В действительности по этому делу было арестовано множество мирных граждан и даже

патриотов; а преступники все еще на свободе плетут заговоры, так как план состоит в том, чтобы их спасти, терзать парод и умножить число недовольных. Чего только не делали для достижения этой цели? Открытое проповедование атеизма, внезапные насилия против культа, вымогательства, совершаемые под самой непристойной формой, преследования народа под предлогом суеверий, система голода, сначала путем скупок продуктов, затем войной против всякой дозволенной законом торговли под предлогом скупки, заключение в тюрьмы патриотов - все шло к этой цели.

В то же самое время государственное казначейство отсрочило выплаты; макиавеллистскими планами приводили в отчаяние мелких кредиторов государства; силой и хитростью их заставляли подписывать пагубные для их интересов обязательства именем того закона, который противится этому маневру. С жадностью хватались за каждую возможность обидеть [стр.219] гражданина и все эти обиды были замаскированы, обычно под предлогом общественного блага. Служили аристократии, но беспокоили ее; ее намеренно устрашали для того, чтобы увеличить число недовольных и толкнуть ее с отчаяния на какой-нибудь шаг против революционного правительства. Писали, что Эро, Дантон, Эбер были жертвами Комитета общественного спасения и что надо отомстить за них гибелью этого Комитета. Хотели пощадить начальников вооруженной силы; преследовали должностных лиц Коммуны и говорили об отозвании Паша от его функций мэра. В то время, когда представители народа открыто вели такие речи, в то время, когда они старались убедить своих коллег, что их спасение только в гибели членов Комитетов, в то время, как присяжные Революционного трибунала позорно плели заговор в пользу обвиненных Конвентом заговорщиков, повсюду говорили, что надо оказать сопротивление угнетению и что существуют двадцать девять тысяч патриотов, готовых свергнуть нынешнее правительство. Таков язык иностранных газет, которые в каждый критический момент всегда верно извещали о заговорах, готовых

совершиться у вас, и которые как будто были связаны с заговорщиками. Преступникам необходим мятеж. В соответствии с этим они теперь собрали в Париж со всех частей республики злодеев, которые приводили ее в отчаяние во времена Шометта и Эбера, тех, кого вы своим декретом отправили в Революционный трибунал.

Революционное правительство представляли ненавистным для того, чтобы подготовить его уничтожение. Собрав все его приказы и обвинив в них тех, кого хотели погубить системой тайной и всеобщей клеветы, должны были уничтожить Революционный трибунал или составить его из заговорщиков, призвав аристократию, оставить всех врагов родины безнаказанными и представить народу самых ревностных его защитников виновниками всех его прошлых бед. Если мы будем иметь успех, - говорили заговорщики, - надо будет противопоставить крайнюю снисходительность тому, что происходит при настоящем положении дел. В этих словах содержится весь заговор.

В каких преступлениях обвиняли Дантона, Фабра, Демулена? В проповеди милосердия к врагам родины и в заговоре, с целью обеспечить им амнистию, роковую для свободы. Что бы сказали, если бы авторы этого заговора, о котором я говорю, были из числа тех, кто отправил Дантона, Фабра и Демулена на эшафот? Что делали первые заговорщики? - Эбер, Шометт и Ронсен старались сделать революционное правительство непереносимым и смешным. В то время как Камилл Демулен нападал на него в своих сатирических писаниях, Фабр и Дантон интриговали, защищая его. Одни клеветали, другие подготовляли предлог для клеветы. Та же система продолжается теперь открыто. По какому роковому стечению обстоятельств те, что когда-то выступали с громовыми речами против Эбера. [стр.220] защищают его сообщников? Как случилось, что те, кто объявляли себя врагами Дантона, стали ему подражать? Как случилось, что те, кто когда-то

открыто обвиняли некоторых членов Конвента, теперь объединились с ними против патриотов, которых хотят погубить? Подлецы! Они хотели, следовательно, чтобы я ушел в могилу с позором! И чтобы я оставил о себе на земле лишь память тирана! С каким коварством они злоупотребили моей добросовестностью! Казалось, они принимают принципы всех добрых граждан! Как наивна и приветлива была их притворная дружба! Вдруг их лица покрылись темными тучами; дикая радость засверкала в их глазах. Это был момент, когда им казалось, что им удалось принять все меры для того, чтобы подавить меня.

Теперь они опять приветливы со мной; их речи более, чем когда-либо, ласковы, а три дня тому назад они готовы были объявить меня Катилиной; сегодня они наделяют меня добродетелями Катона. Им нужно время для того, чтобы развязать их преступные козни. Как жестока их цель! Но как презренны их средства! Судите о них по одному факту." Я был уполномочен временно, в отсутствии одного из моих коллег, иметь надзор за бюро общей полиции, недавно и плохо еще организованным при Комитете общественного спасения. Мое кратковременное управление ограничилось какими-нибудь тридцатью постановлениями, либо освободившими преследуемых патриотов, либо оградившими нас от нескольких врагов революции. И что же! Можно ли поверить, что только лишь мое управление общественной полицией послужило предлогом, чтобы на мою голову взвалили ответственность за все действия Комитета общественной безопасности, за ошибки всех установленных властей, за преступления всех моих врагов? Нет, быть может, ни одного арестованного лица, ни одного обиженного гражданина, которому бы не говорили обо мне: вот виновник твоих несчастий, ты станешь счастливым и свободным, если он перестанет существовать. Как мог бы я рассказать вам, или как мог бы я предвидеть всевозможную клевету, которая тайно проникала то ли в Конвент, то ли в другие места для того, чтобы сделать меня ненавистным или страшным? Я лишь скажу, что уже более

шести недель характер и сила клеветы, бессилие делать добро и остановить зло заставили меня совершенно бросить мои обязанности члена Комитета общественного спасения, и клянусь, что даже в этом я посчитался лишь с разумом и родиной! Я предпочитаю мое звание представителя народа званию члена Комитета общественного спасения и ценю прежде всего мое звание человека и французского гражданина.

Что бы там ни было, вот уже не менее шести недель, как окончилась моя диктатура и я не имею никакого влияния на правительство. Патриотизм теперь лучше защищен? Клики стали более робкими? Родина стала счастливее? Я желаю этого. Но мое влияние во все времена ограничивалось защитой дела родины перед национальным представительством и перед судом общественного разума; мне было разрешено бороться с угрожающими вам кликами, я хотел выкорчевать систему коррупции и беспорядка, которую они установили и которую я рассматриваю как единственное препятствие к укреплению республики; я думал, что она сможет покоиться только на вечных основах морали. Все объединилось против меня и против тех, кто имел те же принципы. Победив пренебрежение и противоречия многих, я предложил вам великие принципы, начертанные в ваших сердцах, и которые разгромили заговоры контрреволюционеров-атеистов; вы подтвердили эти принципы; но судьба принципов состоит в том, что их провозглашают честные люди, а применяют их или противятся им люди злые. Накануне праздника "верховного существа" его хотели отложить по какому-то пустому предлогу; после этого не переставали осмеивать все, что касается этих идей, после этого не переставали помогать всему, что могло возродить доктрину заговорщиков, наказанных вами. Совсем недавно уничтожили следы всех памятников, посвященных великим эпохам революции, уничтожили только те памятники, которые напоминали моральную революцию, отомстившую за клевету на вас и основавшую республику. Я не видел у многих никакой склонности следовать определенным принципам, держаться пути

справедливости, проходящему между двумя опасностями, которые враги родины поставили перед нами. Если надо, чтобы я скрыл эти истины, пусть мне дадут яд! Мой разум, но не мое сердце, готов усомниться в этой доблестной республике, план которой я наметил себе.

Мне думается, что я понял истинную цель этого странного обвинения в диктатуре; я вспомнил, что в то время, когда Бриссо и Ролан осуществляли почти безграничную власть, вся Европа говорила о диктатуре. В чьих руках находятся сейчас армии, финансы, внутреннее управление республики? В руках преследующей меня коалиции. Все друзья принципов не имеют влияния, но им мало того, что неудобный или бдительный человек, отчаявшись в своей пользе, удалился; одно его существование является для них предметом страха и, помимо своих коллег, они задумали во тьме отнять у него вместе с жизнью право защищать народ. О, я без сожаления покину жизнь! У меня есть опыт прошлого, и я вижу будущее! Может ли друг родины желать пережить время, когда ему не дозволено больше служить ей и защищать угнетенную невинность! Зачем оставаться жить при таком порядке вещей, когда интрига постоянно торжествует над правдой, когда справедливость это ложь, когда самые низкие страсти, самые нелепые страхи занимают в сердцах место священных интересов человечества? Как перенести мучения от вида этих ужасных предателей, из которых кто более, а кто менее ловко скрывает свои мерзкие души под покровом доблести или даже дружбы, но все они поставят потомство в затруднение решить вопрос, кто из врагов моей страны был самым подлым или самым жестоким?

Глядя на множество пороков, которые революционный поток перемешал с гражданскими доблестями, признаюсь, я иногда боюсь быть опороченным в глазах потомства соседством с непристойными, развращенными людьми, проскользнувшими в среду искренних друзей человечества, и я рад видеть ярость Верресов и Катилин моей страны, с какой они проводят глубокую

демаркационную линию между ними и порядочными людьми. Я видел из истории, что все защитники свободы были подавлены клеветой; но и угнетатели их тоже погибли! Добрые и злые исчезают с земли, но в разных условиях. Французы, не допустите, чтобы ваши враги посмели унижить ваши души и ослабить ваши добродетели своей приводящей в уныние доктриной! Нет, Шометт, нет, смерть это не вечный сон!.. Граждане, сотрите с могил это начертанное святотатственными руками изречение, набрасывающее траурный креп на природу, приводящее в уныние угнетенную невинность и оскорбляющее смерть; начертайте на могилах лучше такое изречение: смерть это начало бессмертия!

Некоторое время тому назад я обещал оставить притеснителям народа страшное завещание. Теперь я опубликую его с независимостью, соответствующей тому положению, в которое я себя поставил. Я завещаю им ужасную правду и смерть!

Представители французского народа, настало время снова выказать подобающее вам благородство и величие характера. Вы не созданы для того, чтобы вами управляли, а для того, чтобы управлять теми, кому вы свидетельствуете ваше доверие. Выражение признательности, которое они обязаны вам оказать, состоит не в пустой угодливости, не в льстивых словах, расточаемых честолюбивыми министрами королям, а в правде и в особенности в глубоком уважении к вашим принципам. Вам сказали, что все хорошо в республике; я это отрицаю. Почему те, кто третьего дня предсказывали вам столько страшных бурь, вчера видели только легкие облака? Почему те, кто еще недавно говорили вам: Я заявляю вам, что мы ходим теперь по вулканам, считают, что сейчас они ступают по розам? Вчера они верили в заговоры, а я заявляю, что я и сейчас верю в них! Те, кто говорят вам, что установление республики это легкое предприятие, обманывают вас, или вернее, они никого обмануть не могут. Где эти мудрые

установления, где план возрождения, оправдывающий эти честолюбивые речи? Занимались ли хотя бы этим великим предметом? Что я говорю? Не хотят ли утратить тех, кто их подготовил? Их сейчас хвалят, потому что считают себя более слабыми, но завтра же их устранят, если они станут сильнее. Говорят, что в четыре дня несправедливости будут исправлены, а почему же их в течение четырех месяцев безнаказанно совершали и как возможно, чтобы в четыре дня все виновники наших бед исправились бы или были изгнаны? Вам много говорят с легкостью о ваших победах так, что можно подумать, будто они не стоили нашим героям ни крови, ни трудов. Говорите о них с меньшей помпой, и они покажутся более великими. Мы подчиним себе Европу не напыщенными выражениями, не даже военными подвигами, но мудростью наших законов, нашими величественными совещаниями, величием наших характеров. Что было сделано, чтобы обернуть наши военные успехи в пользу наших принципов, чтобы предотвратить опасности, угрожавшие победе, или чтобы обеспечить нам плоды ее? Следите за Бельгией. Я уведомляю вас, что ваш декрет против англичан постоянно нарушался; что Англия, о которой мы дурно говорим в наших речах, охраняется нашим оружием; я уведомляю вас, что филантропические комедии, разыгрывавшиеся Дюмурье в Бельгии, теперь повторяются, что забавляются посадкой бесплодных деревьев свободы на вражеской земле, вместо того, чтобы собирать плоды победы, и что побежденным рабам покровительствуют за счет победившей республики. Наши враги отступают и оставляют нам наши внутренние раздоры; думайте о конце кампании; бойтесь внутренних клик; бойтесь интриг, которым благоприятствуют, удаляя их в чужеземную страну. Среди генералов посеяли разногласия; военной аристократии покровительствуют; верные генералы преследуются, военная администрация прикрывается какой-то подозрительной властью; были нарушены декреты для того, чтобы

поколебать гнет необходимой бдительности. Эти истины вполне стоят насмешки.

Наше внутреннее положение еще более критическое. Надо создать разумную финансовую систему; существующая в настоящее время система мелкая, расточительная, придирчивая, пожирающая и фактически совершенно независимая от вашего высшего надзора. Внешними отношениями совершенно пренебрегают; почти все агенты, используемые в иностранных державах, обесславленные отсутствием гражданских доблестей, изменили республике открыто, с наглостью, оставшейся до сих пор безнаказанной.

Революционное правительство достойно всего вашего внимания, пусть оно будет уничтожено сегодня, завтра же свобода исчезнет. Не надо клеветать на него, но призвать его к его принципу, упростить его, уменьшить бесчисленную толпу его агентов, а главное очистить их. Необходимо предоставить безопасность народу, но не его врагам. Речь идет не о том, чтобы ставить помехи народному правосудию путем новых форм; уголовный закон неизбежно должен иметь что-то неопределенное, потому что заговорщики теперь отличаются скрытностью и лицемерием, надо, чтобы правосудие могло захватить их под всякой формой. Если один способ составлять заговор останется безнаказанным - спасение родины станет призрачным и подвергнет ее опасности. Гарантия патриотизма, следовательно, не в медлительности, не в слабости национального правосудия, но в принципах и в неподкупности тех, кому оно доверено, в добросовестности [стр.224] правительства; в открытом покровительстве патриотам и в энергии, с какой правительство подавляет аристократию. Эта гарантия в общественном духе, в некоторых моральных и политических установлениях, которые, не препятствуя действиям правосудия, являются защитой добрых граждан, подавляют дурные страсти своим влиянием на

общественное мнение и на направление революционного движения, и которые будут предложены вам, когда заговоры позволят друзьям свободы перевести дух.

Давайте руководить революционными действиями путем мудрых и постоянно поддерживаемых правил; будем строго наказывать тех, кто злоупотребляет революционными принципами, притесняя граждан. Надо быть вполне уверенными, что все те, кому поручена национальная бдительность, лишены всякого духа клики, хотят торжества патриотизма и наказания виновных. Тогда все будет в порядке. Но если предположить, что влиятельные люди тайно хотят разрушения революционного правительства, что они скорее склоняются к снисходительности, чем к справедливости, если они используют развращенных агентов, если они сегодня клеветают на единственную власть, которая внушает почтение врагам свободы, и на завтра отрекаются от этого, чтобы снова интриговать; если вместо того, чтобы вернуть свободу патриотам, они возвращают ее без разбора заговорщикам, тогда все интриганы объединяются для клеветы на патриотов и подавляют их. Этим-то причинам надо приписать злоупотребления, а не революционному правительству, ибо нет ни одного злоупотребления, которое в тех же условиях было бы терпимо.

Революционное правительство спасло родину; теперь надо его самого спасти от всех опасностей. Было бы плохо прийти к выводу, что его надо уничтожить по одному тому, что враги общественного блага сначала парализовали его, а теперь стараются развратить его. Странная манера защитить патриотов - давать свободу контрреволюционерам и дать торжествовать мошенникам! Страх перед преступлением создает безопасность невинности.

Впрочем, я далек от того, чтобы приписывать злоупотребления большинству из тех, кому вы оказали доверие; большинство само парализовано и обмануто; интрига и иностранцы побеждают. Они скрываются, утаивают, обманывают, а следовательно составляют заговоры. Они были дерзки, замыслили большой акт угнетения, окружали себя силой для того, чтобы, вызвав раздражение общественного мнения, затем подавить его; они стремятся развратить государственных служащих, верность которых пугает их; преследуют друзей свободы, - а следовательно составляют заговоры. Они становятся вдруг гибкими и даже льстивыми; они сеют втихомолку опасные инсинуации против Парижа, стремятся усыпить общественное мнение, клеветуют на народ, гражданскую заботливость возводят в преступление. Дезертиров, заключенных в тюрьмы врагов, контрреволюционеров [стр.225] всякого рода, собравшихся в Париже, не удаляют из него, но удаляют канониров, разоружают граждан, интригуют в армии, стараются все захватить, - а следовательно, составляют заговоры. В последние дни стараются обмануть вас насчет заговора, а сегодня отрицают его существование; преступление даже думать об этом. Вас то пугают, то успокаивают, вот он настоящий заговор!

В управлении финансами контрреволюция. Она сказывается полностью в системе контрреволюционных нововведений, скрывающихся под видом патриотизма. Целью этой системы является подстрекать к ажиотажу, поколебать общественное доверие, обесчестив французскую верность, покровительствовать богатым кредиторам, разорить и привести в отчаяние бедных, умножить число недовольных, лишить народ национального благосостояния и незаметно разрушить общественное состояние.

Кто является высшими администраторами наших финансов? Бриссотинцы, фельяны, аристократы и известные мошенники; это Камбоны,

Малларме, Рамели, это компаньоны и преемники Шабо, Фабра и Жюльена (из Тулузы).

Для того, чтобы прикрыть опасные замыслы, они в последнее время придумали связать себя с Комитетом общественного спасения, так как не сомневались в том, что Комитет, отвлеченный столькими и большими делами, доверчиво примет, как это случалось неоднократно, все планы Камбона. Это новая уловка, придуманная для увеличения числа врагов Комитета, гибель которого является главной целью всех заговоров.

Национальное казначейство, управляемое лицемерным патриотом по имени Эрмина, прекрасно содействует их видам, приняв план ставить препятствия всем срочным расходам, под предлогом строгого выполнения формальностей, платить только аристократам и притеснять малосостоятельных граждан отказом, отсрочками, а часто одиозными провокациями.

Во всех отраслях государственного хозяйства - контрреволюция. Заговорщики помимо нашей воли вовлекли нас в ужасные меры, которые понадобились только их преступлениям, и довели республику до страшного голода, который уморил бы ее, если бы не пришли нам на помощь самые неожиданные события. Эта система была работой иностранных государств, которые предложили ее через посредство продажных Шабо, Люлье(242) и Эберов и стольких других злодеев. Надо употребить все усилия гения для того, чтобы вернуть республику к естественному и спокойному порядку, который только может дать изобилие, а эта работа еще не начата.

Вспоминаются все совершавшиеся преступления для осуществления пакта о голоде, идея которого порождена дьявольским гением Англии. Чтобы вырвать нас из этого бедствия, понадобились два, одинаково неожиданных, чуда. Первое чудо - это возвращение нашего конвоя, проданного Англии

перед его отправкой в Америку, на который лондонский кабинет рассчитывал, а также обильный и ранний урожай, который природа дала нам. Другое чудо - это великое терпение народа, который переносил даже голод, лишь бы сохранить свободу. Нам еще остается преодолеть недостаток рук, повозок, лошадей, являющихся препятствием для сбора урожая и обработки земли, а также победить маневры, которые в прошлом году замыслились нашими врагами и которые они не преминут возобновить.

Сюда сбежались контрреволюционеры для того, чтобы присоединиться к своим сообщникам и защищать своих хозяев путем интриг и преступлений. Они рассчитывают на заключенных контрреволюционеров, на людей Вандей и на вражеских дезертиров и пленных, которые по всем сообщениям с некоторого времени убегают в Париж, как я об этом уже неоднократно и тщетно объявлял в Комитете общественного спасения; наконец, они рассчитывают на аристократию, которая тайно составляет вокруг нас заговоры. В Национальном конвенте вызовут сильные дискуссии; изменники, до сих пор лицемерно скрывавшиеся, сбросят свои маски; заговорщики обвинят своих обвинителей и употребят уловки, которыми когда-то пользовался Бриссо для того, чтобы заглушить голос правды. Если таким путем им не удастся подчинить себе Конвент, они разделят его на две партии, и тогда откроется широкое поле для клеветы и интриги. Если им удастся на миг подчинить себе Конвент, они обвинят в деспотизме и сопротивлении национальной власти тех, кто с энергией станет бороться с их преступной лигой. Крики притесняемой невинности, мужественные голоса оскорбленной свободы будут объявлены признаками опасного влияния или личного честолюбия, и вам покажется, что вы снова оказались под ножом старых заговорщиков.

Народ будет негодовать; его назовут кликой; преступная клика и далее будет приводить его в отчаяние; она будет стремиться разъединить

Национальный конвент с народом; наконец, они надеются при помощи покушений добиться волнений, в которые заговорщики введут аристократию и всех своих сообщников с тем, чтобы перерезать патриотов и восстановить тиранию. Такова часть плана заговора. И кому надо приписать эти беды? Нам самим, нашей трусливой слабости к преступлению и нашему преступному пренебрежению к провозглашенным нами самими принципам. Не станем обманывать себя; учредить огромную республику на основах разума и равенства, связать сильным звеном все части этого огромного государства не является предприятием, которое может осилить легкомыслие; это образец человеческой доблести и разума. Великая революция рождает множество клик; как можно подавить их, если вы не будете беспрестанно подчинять все страсти справедливости? У вас нет другой гарантии для свободы, кроме строгого соблюдения принципов и всеобщей морали, которые вы провозгласили. Если не господствует разум, господствуют преступление и честолюбие.